

Максимович М.А.

ДНИ И МЕСЯЦЫ УКРАИНСКОГО СЕЛЯНИНА^{1 2}.

I. МАРТ.

В древнее время на Украине, как и везде на Руси, годы начинались мартом месяцем. С 16-го века ввелся на Украине январский год, и с ним летосчисление от Рождества Христова, вместо прежнего от Сотворения мира. Но месяц март не перестал быть началом пасхального года, и года естественного, так как с него начинается *весна*. В наших месяцесловах март зовется еще *Березóзем*, а по народному *Бéрезнем* (как и у Чехов, Сербов — *Брезен*); у Червоной Руси это имя присвоилось апрелю. При такой разности надобно знать, что *Бéрезнем* называется в народе собственно тот небесный месяц, который нарождается в великий пост, и которого исход бывает обыкновенно в апреле. Об этом постовом месяце говорится на Украине, что он разговляется *паскою*; а *мáсничный* (т. е. масляничный) месяц заговляется *варениками*; называется же постовой месяц *Бéрезнем* от белой березы, которая в это время уже течет своим сладким соком. На Украине известен еще *месяц-Чернец*, который народился бы и изошел бы в великий пост; об нем говорится: «як буде місяць-Чернец, то буде й свету кінець». И мне рассказывали старые люди в Киеве, какой страх был в народе в начале 1769 года (после Колеевщины, перед чумою), когда прошла молва, что в том году будет уже месяц Чернец, и особенно как уже начинался мор в людях.

Марта 1-го, на *Евдокии*, первым вестником весны почитается зимоспящий степной зверёк *Бабак*: еще до восхода солнца, на Евдокии, он оживет и *свистнет*. За ним другой вестник весны и важный показатель будущего лета — *ветер*. Весьма примечает селянин, какой ветер бывает на Евдокии: если теплый, то и лето будет теплое; если ворочает млины (т. е. мельницы), то будет и снопы в поле ворочать; если веет от Днепра (с запада), то будет рыба ловиться; если из степи (с востока), то будет хорошо на пчелы; а если с низу Днепра (с полудня), то будет урожай на хлеб. Замечают, в какую сторону веет ветер на Евдокии и для того еще, чтобы в ту сторону и пшеницу сеять. Около этого дня птичка *Овсянка* начинает петь Украинцу: «покинь сани, возьми воз»! А когда увидят первую *ластовку*, то бросают на нее горсть земли, говоря: «на́ тобі, ластовко, на гніздо»! Об ласточках думают, что они не улетают на зиму в теплый вырай³, (где за морем зимуют все отлетные птицы), но, сцепясь ножками одна с другою, зимуют на дне рек, озер, криниц, и даже на дне моря.

Щебетали ластовочки,
Зо дна моря вылѣтаючи;
Говорили козаченьки,
Да по селу похожаючи....

¹ Русская Беседа 1856 г. № 1, смесь, стр. 61—83 и № 3, стр. 73—108.

² Собрание сочинений М.А.Максимовича, том. II, Киев, 1877г.

³ В поучении Владимира Мономаха сказано: «птицы небесные из *ирья* идут..., да наполнятся леси и поля; все же то дал бог на угоде человеком, на снедь, на веселье».

Так запеваёт старинная песня о молодых козаках, уходивших весной из Украины на Запорожье. О том же поют и в *веснянках*.

А вже весна, а вже красна.
Из стріх вода капле;
Молодому козаченьку
Мандровочка пахне.
Помандровав козаченько
У чистее поле;
За ним, за ним дівчинонька:
«Вернися, соколе»!....

Ведется поверье, что если, при виде первой ласточки, бросить горсть земли на грядку, говоря: «кроп сію»! так и вырастет укроп (который впрочем и без того растет по огородам самосейкою).

Из первых весенних цветов на Украине радуются особенно появлению голубого *ряста* (*scilla bifolia*). Увидав в первый раз этот первоцвет, поспешно срывают его и топчут, приговаривая: «топчу, топчу ряст..., дай, Боже, потоптати и того року дождати»! а топчут ряст для того, чтобы долго жить; и по этой макровиотике, если выздоравливает трудный больной, то говорят: «уже выліз на ряст»; а кто умрет, говорят: «дуба дав».

Украинский селянин полагает, что до *первого грома* земля не разморзается вполне, и примечает: если первый гром загремит на голое дерево, то надо ждать неурожая; если же загремит от запада, то будет урожайное лето. При первом громае, девочки бегут умыться из криницы или реки и утереться своим красным поясом — для красоты; парубки хватаются за угол хаты и силятся приподнять ее, чтобы силы прибыло; у кого болит спина или *поперек* (поясница), тот поспешает приподнять воз, или прислониться спиной к столпу, полагая, что от того становится легче; а знающие бабы набирают из криницы воды, при первом громае, и мажут ею детей от *пристріту* (который по книжному зовется «призором очес»). До первого грома Украинцы не садятся вечерять на дворе.

Марта 9-го, в день весеннего равноденствия, говорят: «с *Сорока Святых* — сорок морозов буде»; и если не все сорок бывают в продолжение весны, то остальных ждут на лето. Говорится также, что «на Сорок Святых соро́ка сорок паличок в гнездо положить». В школах ученики приносят на поклон учителю по сороку бубликов. А для детей в этот день пекут и раздают пшеничные *жайворонки*, во имя пернатого певца, который прежде всех, еще на *прóвесні*, прилетает из *вырая* радовать степи своим пением.

Марта 17-го, на *теплого Олексы* — «щука-рыба хвостом лед розбивае». Пасечники выставляют пчел из погребов; а если еще холодно, то выносят хоть два улья погреться на весняном солнце.

Марта 25-го, на *Благовіщення*, такой святой день, что и птица гнезда не вьет. Встарину говорили, что в этот день Господь благовестит землю и открывает ее на сеянье; а потому до Благовещенья не начинали севбы на нивах, а поспешали кончать бранку на ярину; а «на Благовіщенском тыждне — вдовин плуг». Особенно благоприятным день Благовещенья почитается у огородниц для *капусты*, составляющей главный предмет их заботы и первую красу огорода; и они стараются, чтобы во время заутрени посеять хоть не много *розсады* (семян капустных), где-нибудь в затишном кутку огорода, или в круглых, плетеных из лозы яслях. Они верят, что в ту пору можно находить розсаду под вишневым листом; да и вообще под деревом на земле, если повести рукою, то можно захватить розсаду, и что ее можно натрусить на рядно, в погребу, из капустяных головок. (Должно быть те маленькие и похожие на зерна грибки, что заводятся в погребу на капусте, подали повод к последнему поверью). Но за то неблагоприятен этот день рождению животных. Полагают наверное, что из *благовістного теляти* или *ягняти добра не ждати*, и поспешают зарезать; что *благовістне яйце* будет болтун, или же из него вылупится калечное цыпля; а потому и не подсыпают под наседку яиц, снесенных в этот день. О

погоде говорят, что такая будет и на Великдень, какая на Благовещенье. Впрочем от старых людей услышите преданье, что в старые годы время шло правильное, чем теперь, и что уже на их памяти время стало так переменчиво на земле, как оно теперь. Памятен еще обычай, что на Благовещенье дитя вывозят бывало на лубку 80-летних дедов своих на улицу просить милостыни. Марта 26-е, на *Благовістника*, и теперь да Украине почитается за великий праздник.

Месяц март начинается обыкновенно на одной из трех первых недель поста; реже приходится он на масляной, или же на четвертой неделе, которая называется *Средокрестною*. На этой неделе особенно приметный день среда, называемый *хрестцями*: тогда ломаются пополам пост, и даже, говорят, слышен бывает треск. На хрестци пекут пшеничные *хресты*, чтобы лучше родилась пшеница; половину их съедают в тот же день, а другую уже на поле, когда выедут сеять пшеницу, и до того дня берегут в погребе. А на хрестци сеют *мак*, хоть бы то по снегу, лишь бы можно было вскопать как-нибудь землю. Мак сеют только девчата да молодые молодичицы, при чем они приговаривают или же поют следующую *припівку*:

Крâй долины мак, мак;
Крâй широкôй мак, мак —
Мак чистый, головистый:
Головочки, як ріпочкы;
Молодыи молодочки
Завивали головочки.
Буде мак тут,
Буде мак тут!

Мак и зерном и цветом своим составляет роскошь Украинского селянина. Зерном своим, столь лакомым для Украинца (особенно в медовых *маковниках*) мак вошел в пословицу: «їж, дурню, бо то з маком!» И еще другая пословица идет: «Сѣм лет Бог маку не родив, да и голоду не було!» А *маков цвет* — роскошь красоты, особенно когда зацветет им целое *плѣсо* в степи....

Ой, из могилы видно всі долины —
Сизокрылый орел пролетает:
Стоить вôйско славне Запорозьке —
А як мак процвітає.

Так, и о славном современнике Богдана, *Морозѣнке*, об этом цвете козаччины, поют в песнях:

Морозенко козаченько
Як мак роспускався;
Морозенко козаченько
В неволю попався.

Знающие бабы, встав до света на хрестци, и в потьмах, без запаски, сев у порога, прядут по два *починка*, крутя веретено *навпаки* т. е. от себя (а не к себе, как прядут обыкновенно), и кладут их *навхрест*; этою пряжею они перевязывают руки или ноги от *грыжи* (ломоты).

На *похвальному* т. е. на пятом тыждне поста, приметный день суббота, которую зовут *похвалою*, и говорят, что «на похвалу сорôка яйцем похвалиться». В этот день сеется капустная *розсада*.

Вербный тыждень зовется и *вербичем*. О случающихся в это время холодах есть пословица: «пришов вербич, два кожуха терлич». Не должно на этом тыждне сеять *буряков* (свеклы), а то будут горькие. В вербную неделю приходящие от заутрени со *святою вербою*, бьют ею спящих, приговаривая:

Верба хлѣст, бий до слѣз!
Не я бью, верба бье.
За тыждень великдень:
Будь великий, як верба,
А здоровый, як вода,
А богатый, як земля!

Пасечники поспешают воротиться домой прежде всех, со святою вербою. Снятую вербу берегают, как целебное средство от разных недугов, людских и скотских, — между прочими, от детских *сухот*; знающие бабы в отваре из нее купают больное дитя, при свете *полного* месяца, приговаривая к нему: «*місяцю-Адаме; имя тобі Авраме! дай тіла на си кости; а як не даси, то прийми мощи!*»!

Страстная неделя называется на Украине *білою*, потому что тогда белят хаты, и убирают все, приготовляясь к Великодню. В *чистый четверг* моются, и выливают всякую нечисть за двор; на распутье. В *страстную субботу* сеют *буряки*; и это дело поручается мужчинам. Чтоб не были они горькие, надобно сеять их *на щѳ серце* (натошак), и когда не видно дыму из хат. Вообще огородину сеют, как только повывтапливаются хаты, чтоб и грядки в огороде были так полны, как полны горшки в печи. В продолжение поста не гонят еще ни овец в одну общую *ватагу*, ни *товару* (рогагого) в одну *чѳреду*; хлопцы и парубки пасут скот свой порознь, принимая под свое смотрение и у соседей, за что получают от них *зѳйминку* — паляницы и прочее, и тем пробавляются. Молодой овчар к заходу солнца поспешает в село повеселить однообразный день свой, и гоня ватагу с поля, припевает:

Терѳш, терѳш, овечечкы!
Терѳш, баранчата!
А я пѳйду погуляю,
Де гарни дѳвчата.
Терѳш, терѳш, овечечкы!
Терѳш, терѳш, биркы!
А я пойду погуляю,
А де чорнобривкы.

Чернобровые девчата, поспешив отговорься еще на второй неделе поста, выходят по вечерам на улицу, или иное просторное место приветствовать весну своими звонкими *веснянками*.

Благослови, Боже,
Весну закликати,
Зиму провожати;
Ой, весна в човночку,
Лѳтечко в возочку.

После такого или иного общего на всю весну запева, — девчата, усевшись обыкновенно *черенем* (купою) или же *лавою* (рядом), поют повседневные свои веснянки. Здесь, на побережье Днепровском, (где живу я) начинают вечера обыкновенно следующей песнею:

Орел поле изьорав, изьорав.
И ячменю насѳяв, насѳяв;
Роди, Боже, той ячмѳнь, той ячмѳнь,
Тож парубкам на коровай, на коровай,
Старым людям на пиво, на пиво,
А молодым на диво, на диво!
Орел поле изьорав, изьорав,
И пшеници насѳяв, насѳяв:

Роди, Боже, пшеницю, пшеницю,
Тож дівочкам на коровай, на коровай,
Старым людям на пиво, на пиво,
А молодым на диво, на диво!

Веснянки поются до Троицы; это песни исключительно *девические*; парубки только слушатели, и вмешиваются в них только своими *жартами* (шутками), на которые девчата отпевают им веснянками. Например:

Торóх, торох... сію горох,
А врóдиться брыця:
Не пришлеться що добрее,
Да все ледащиця.
Торóх, торох... сію горох,
А врóдиться брыця:
Взяли Туркы два парубкы,
И мого чорнобривця!

Кончая вечер, девчата поют, расходясь по домам:

Співали дівочки, співали;
У решето пісни складали;
Да и поставили на вербі:
Де взялися горобци,
Звалили решето до долу —
Час вам, дівочки, до дому!

Молоденькие девочки не принимаются к пению веснянок; но у детей обоого пола есть свои веснянки, целое лето продолжающиеся. Когда идет дождь, дети бегают под ним и припевают:

Дóщичу, дощичу!
Зварю тобі борщичу,
В новéнькому горщичу,
Поставлю на дубочку:
Дубочок схитнувся,
А дощик линувся —
Цебром, ведром, дойничкою,
Над нашою пашничкою.

Когда находит туча, дети нагромоздят из песку или земли *дзвоницю* (колокольню) и, бьючи по ней палочками, припевают:

Бій, дзвоне, бій!
Хмару розбій!
Нехай хмара на Татаре,
А сонечко на хрестяне!
Бій, дзвоне, бій!
Хмару розбій!

II. АПРЕЛЬ.

Второй месяц весны зовется по Украински *Квітнем* или *Цвітнем*, ибо природа на Украине является тогда в первом цвету: белая береза, убранная в золотистых серьгах, распускает свои зеленые коси; зазеленевшая степь красуется золотым гориццветом (*adonis*)

vernalis) и сребропушистым соном (anemone); вишневые сады стоят как молоком облитые, и в них уже раздаётся щебет соловья. В этом же месяце обыкновенно и Украинский люд, как и весь православный мир, обрадован бывает *Великоднем* и христосаётся во имя воскресшего Искупителя мира.

В Светлый день сей, после обедни, когда разговееется уже каждый в своей семье — паскою и прочим *свячёным*, хлопцы ходят по дворам приветствовать всех троекратным *Христос воскрес!* и хозяева за то, дав первому *хрестовальнику* пару крашанок, всем прочим дают по одной, а говорящим *вириши* (т. е. стихи) дают и деньги. В старые годы *хрестовали* и взрослые. Известна большая великодняя вирша, которую некогда говорили Запорозцы *товарищу* и *батьку* своему *Грицьку*, великолепному Потемкину:

«Христос воскрес, рад мир увесь,
Дождалися ласкы;
Теперь усяк наісться в смак
Свяченой паскы.
Всі гуляють, выхваляють
Воскресшого Бога;
А вже тая, що до рая,
Протерта дорога»... и т. д.

А в Печерской лавре, когда там *великим Архимандритом* был воеводич Молдавских земель Петр Могила, его приветствовали на Великдень печатными виршами — и знаменитые типографы лаврские Памва Берында и Тарасий Земка (книжкою «Умнологія си есть Піснословіе» 1630 г.), и профессора риторики, Софроний Почаский, с учениками лаврского Могилинского Гимназиума (книжкою «Евхаристиріон албо Вдячність» 1632 г.).

Между тем как малые хлопцы идут *хрестовать* на село, пасечник идет в пасеку похристосаться с своими ярыми пчёлками и несет им *безконечник* — писанку, испещренную вокруг одною непрерывною чертою; он кладет ее под первый или *покутний* улей, называемый у Заднепровцев *хозяином*, на котором всегда лежит ладан; а главный улей, *Зóсим*, стоит всегда середь пасеки.

На другой день, еще на рассвете, ходят парубки *обливальники* по тем хатам, где есть взрослые девчата, и за каждую получают по паре крашанок в свои ведра. Девчата уже заблаговременно ждут их; а которая заспалась бы или не успела бы прибраться до их прихода, ту обливают водою. Так ведется у нас на степи при Супое; и это есть остаток давнего Украинского обычая, описанного Бопланом⁴ во второй половине 17-го века, когда парубки обливали девчат в великодний *понедельник*, а девчата парубков во *вторник*, как это поныне ведется у Словаков, у которых есть песенка об этом⁵:

«Облівай, облівай власы ай главичку,
Але ми зашануй ту нову сукничку".

В 31 главе *Киевского Синописа*, а также и в *Кройнике* или летописи Густынской, (под 988 годом), говорится «о облиании водою на *Велик-день*»; но то, очевидно, взято из летописцев Польши и относится к ее обычаю. Наши степные обливальники-парубки, а также и девчата, под вечер в понедельник сходятся в одну хату, и там на общую *складку* пируют и веселятся с песнями и музыкою, и иногда до света. С великоднего понедельника возобновляются и девические песни-веснянки, примолкшие с вербной субботы. Вот одна веснянка, вдохновленная месяцем квітнем в северной стороне (она записана мною 1827 года, на берегах Шостки, впадающей в Десну)⁶:

Розлилися воды

⁴ См. его *описание Украины*, переведенное Устряловым, 1832 года, стр. 79.

⁵ См. Коларовы "Narodnié Zpiewanku". 1834. Т. I. стр. 24 и 431.

⁶ См. моего издания Малороссийские песни, 1827 года, стр. 159.

На чотыри броды.
У першому броді
Соловейко щебетав,
Зелены сады розвивав.
У другому броді
Зозулька ковала,
Літечко казала.
У третёму броді
Коничок заржав,
Вѳн дорѳженьку почав.
А в четвертѳм броді
Да дівчина плаче,
За нелюбого идучи,
Свое лихо чуючи.

С Великодня к обыкновенным песням-веснянкам присоединяются еще девические игры, сопровождаемые особыми песнями и называемые вообще *танкѳми*. Эти игорные веснянки на Украине то же, что в великой Руси *хороводы*, об которых и там говорится в народе: *танки водить*; и некоторые из них те самые, что и на Украине, как-то: *просо-сеять*, *мак-сеять*, *Заюшка*, *Ящур*. А разница между ними та, что в Великорусских танках или хороводах участвуют стар и млад обоего пола, и водят их с весны до зимы, повершая ими нередко и другие праздники народные; но танки Южнорусские остаются исключительно собственностью девчат и весны, ибо водят их только с Великодной до Зеленой недели. Великорусскими танками заправляет особая *хороводница*, женщина обыкновенно пожилая и нередко вдова; а Украинские танки водят сами девчата, из которых передовою становится более заметная или более удалая в играх. Одна из них в прошлом столетии воспета в особой песне, поныне любимой на обеих сторонах Днепра: это прекрасная *Бондарѳвна*, злополучная жертва знаменитого повесы пана-Канѳвского (Потоцкого).

В славнѳм місті у Кѳневі
Дівок танѳк ходить;
Молодая Бондарѳвна,
Усім перед водить.. и т. д.

На Украине, где ныне в большой моде у девчат песни Московские, и особенно солдатские, давно известна песня.

«Как у наших у ворот
Стоял девок хоровод».

Однако названье *хоровода* не пристает к, *танкам* девическим; и это потому, что на Украине *корогод* имеет совсем другое значение. *Корогод*, так же как и *коровай*, является только на *весѳльях*, т. е. на свадьбах. В брачную ночь, когда благополучная чета оставляется уже в покое, дружкѳ с хмельным причетом своим и музыкою шумно провожает по селу *корогода*, с особенной о нем песнею; при чем придѳнки и свашки поют и о корогодовой жене-воеводе.

Девические танки, по внешнему виду, бывают: 1) *Круговые*, которые водят, сомкнувшись в кружок, таковы: *мак-сеять*, *кроп*, *перепелка*, *заюшка*, *ящур*, *король*, *нѳлюб*, *переборѳць* и другие; 2) *Ключевые*, которые, водят, сомкнувшись в *один ключ*; таковы: *галка*, *чечѳтка*, *горобей*, *лесаниця*, *кривый-танѳць* и другие; или же, сомкнувшись в *два ключа*, как в танке *просо-сеять* и в *шуме*.

Перепелкою становится в средину круга одна из красивейших девчат и представляет телодвижениями то, о чем поют ходящие вокруг. При «старѳм мужичке» она падает на земь с печальным видом; при «молодом козачке» вскакивает весело,

подпрыгивая и трепля в ладоши; а при последнем стихе она старается выскочить из круга, но ее ловят и *туркают* в голову.

А в перепелки да головка болить.
Тут була тут перепелочка;
Тут була тут білозброчка⁷.
А в перепелки да плечици болять.
А в перепелки да реберця болять.
А в перепелки да стегеньця болять.
А в перепелки да коліньця болять.
А в перепелки по́дошовки болять.
А в перепелки да старый мужичок.
А в перепелки молодой козачок.
Перепелка йде и гостиньця несе.

Великолепный Великорусский танок «Заплетися, плетень заплетися» неизвестен на Украине; а в замен его есть свой шуточный танок, «Плету, плету ліс, ліс», — в насмешку над парубками, которые весною плетут *лісы* около дворов и огородов. Игра *мак-сеять* на Украине выходит красивее, чем в великой Руси; ибо здесь *маковкою* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а там — *маком* бывает большею частью простачек-детина, которому под конец, когда станут отряхивать мак, достается до слёз⁸.

Заюшка у нас на побережье разыгрывается в таком виде. Ставшая в кругу прыгает, стараясь выскочить под руками окружных, но ее не выпускают; под конец песни она кланяется одной, и та становится на ее место, и так далее.

Заюшка сіресенькій,
Заюшка білесенькій!
Заюшка скоком боком
Перед моим карым оком!

Да нікуды заюшці а не выскочити,
Да нікуды заюшці а не выплыгнути;
Що в нас города все Турецькіи,
Що в нас замкы все Німецькіи,
Позащѣпованы, позамыкованы,
Жовтым піском позасыпованы,

Заюшка не гордися,
Котрѣй панні поклонися,
Хоч старѣй хоч малѣй,
Хоч мені молодѣй.

А вот круговой танок исторического происхождения. После князя Михаила Михайловича Вишневецкого и благочестивой княгини его Раисы, урожденной Могилянки, об которых добрая память осталась на Украине в трех монастырях: Лубенском, Густынском и Ладинском, наследником огромной их Украинской вотчины, (простиравшейся от Полтавы до Прилуки в одну сторону, и до Домонтова, на устье Супоя, в другую) остался храбрый княжич *Иеремия*. Он был «пожаданною утіхою» для народа Украинского; но, женись на Гризельде Замоиской, он отступил от православия (около 1631 года) и стал тогда во взаимное нелюбие с Украиною. В 1648 году, когда

⁷ Этот припев повторяется за каждым стихом, как повторяются припевы и в других песнях.

⁸ См. у Сахарова «Песни Русского народа» 1838. Ч. II, стр. 296. («Часто случается, что хороводник, лишенный от трясения волос, начинает драку»).

воздвигшийся Богдан Хмельницкий начал полякам *веремея крутити*⁹, князь Иеремия, имевший звание *Русского воеводы*, принужден был расстаться навсегда со своею Украинскою Вишневецчиною, бежал из Лубен на Волынь и за то в борьбе с казачеством был он как лютый зверь. В следующее лето выдержал он Тернопильскую осаду в *Збараже*, при чем был ранен в ногу. По этому случаю сложена была козаками насмешливая песня, приглашающая славного Русского воеводу вывести танец по Немецки. Припев ее с разными песнями поныне; повторяется в веселом девическом танке *выступце*. Девчата, при пении каждого двустушия, идут широким кругом; но за припевом они устремляются в припрыжку, то в середку круга, направив кулаки вперед, чтобы столкнуться, то подаются назад.

Ой на ставку, на ставку,
Пбймав сокъл ластовку.
Выступцем,
Выдрбцем:
Пане Вишневецкий,
Воеводо Кгрецкий,
Да выводь танчок по Немецкий!
Просилася Настуся
В молодого Петруся:
Пусти мене в таночок
Погуляти до дівочок.
Тоді тебе я пушу,
Як кбсоньку роспушу.

Из танков, выводимых одним ключом, самый летучий — *галка*. Ставшая на одном конце проводит за собою весь ключ под руками последней пары, а там также проводит стоявшая на другом конце; и таким порядком весь ключ уходит иногда за версту, передвигаясь вперед то прямо, то излучисто. За каждым разом поют:

Ой гал-гал, чорна галочко!
Ой гал-гал, красная панночко!
Стань же нам да до помочи,
З хорошими, з хорошими дівочками,
З красными, з красными панночками!
Ой ты, Марусю, скочь на конець;
А ты, Олесю, веди конець!

Танок *просо-сеять*, любимый всею Русью, от Карпат и до Урала, здесь, на Днепровском побережье, разыгрывается в следующем виде. Ставши в два ключа, лицом один к другому, девчата поочередно поют, кланяючись:

1-й ключ: Ой мы в поле выїдем, выїдем —
 Ой мы з Ладом выїдем, выїдем.
2-й » А мы нивку выорем, выорем —
 Ой мы з Ладом выорем, выорем.
1-й » А мы проса насіем, насіем.
2-й » А мы кони пустимо, пустимо.
1-й » А мы кони займемо, займемо.
2-й » А мы кони выкупим, выкупим.
1-й » Мы на купчу не глянем, не глянем.

⁹ Величко в своей летописи (см. Т. I, стр. 68), описывая знаменитую Корсунскую победу 16-го мая 1648 года, говорит: «скоро теди поляки з своих висунулися окопов, зараз Хмельницкий з Ордою начал около них (як приказуют) *веремея крутити*».....

- 2-й » Мы сто рублѐв кладемо, кладемо.
 1-й » На сто рублѐв не глянем, не глянем.
 2-й » Мы бабусю додамо, додамо.
 1-й » Мы бабуси не хочем, не хочем.
 2-й » Мы дівочку додамо, додамо.
 1-й » За дівочку ни слова, ни слова.
 2-й » Бувай, дівка, здорова, здорова!

При этом одна дівка переходит в первый ключ, которому говорят:

Їдьте, поїдьте до нас!

А те отвечают, тоже говором:

Нема короля дома,
 Поїхав по дрова,
 Пиво варити,
 Сына женити,
 Дочку давати,
 Нас на весѣлье звати!

Танок *Шум* играется на Днепровском побережье. Девчата становятся в два ключа, один за другим параллельно, и при этом поют:

Ой нумо ж мы нумо,
 В зеленого Шума.
 А в нашего Шума
 Зеленая шуба.

За тем оба ключа бегут разом вперед, а потом назад, распевая самым сильным голосом, сколько мѳга:

Ой Шум хѳдит, по воді бродить;
 А Шумиха рыбу ловить,
 Що вловила, то й пропила,
 Своѳй дочці не вгодила.
 Пожди, доню, до суботы,
 Куплю сѳкню, ще й чоботы!
 —Абѳ ж мені сѳкню крайте,
 Або мені жениха дайте!
 Або ж мені кулешѳ наварить,
 Або мені жениха привести!

Так в этом *зеленом шуме* девчат отозвался Днепр, убирающийся в зелень своих лугов и островов, шумящий в весеннем разливе своем и дающий тогда полное приволье рыболовству. В одно весеннее утро я видел здесь, что и воды Днепра, и его песчаная *Белая-коса* за *Шумиловкой*, и самый воздух над ним — всё было зелено.... В то утро дул порывистый *горишний*, т. е. верховой ветер; набегая на прибрежные *ольховыи кусты*, бывшие тогда в цвету, он поднимал с них целые облака зеленоватой цветочной пыли, и развеивал ее по всему полуденному небосклону.

Всеобщая гульба и веселье светлопраздничное довершается в начале следующей недели, называемой *проводною*; оно поворачивается поминанием родичей на их *могилах* или *гробках*. Обыкновенно в *понедельник* собирается народ на кладбище, неся туда крашанки, книши, пироги, ряжанку и всякую другую страву, кроме вареной; а к тому и *пляшку горілки*, составляющую неперемнную обрядную принадлежность всех важных случаев и праздников Украинской жизни от колыбели до могилы. По приходе на могилки родителей и родичей, говорят им: Христос воскрес! Между тем служитя общая панихида

в церкви, а по хуторам и деревням — под открытым небом на кладбище; и после того священник с кадилом обходит порознь все те могилки, где есть поминальщики. Тогда обседают вокруг могилки родичи и соседи (за исключением взрослых девчат), а также и *старци*, т. е. нищие, которым подают милостыню особенно в эти недели, по той вере, что сам Господь ходит по земле в виде нищего, с *Великодня* и до *Вшестя* (Вознесения). Украинцы верят также, что во всю светлую седмицу открыт рай, и что все умершие в эти дни будут в раю; да и в каждый воскресный день случающаяся смерть человека почитается счастливою. Когда усядутся вокруг могилки, тогда начинается круговая зауспокойная чарка, вызывающая умиленные речи и слезы о покойниках: чтоб им «лѣгко лежать и землю держать, а на том свете царство небесное!» — «нехай со святыми спочивають, да и нас дожидають!» и т. п.

Начатые на могилках поминки расходятся по хатам и там доканчиваются; и тогда уже *на подпитку* распеваются разные поучительные стихи, особенно о *смерти* —

«Як положить грішне тіло
На дубову лаву»...

Покойника на Украине кладут и отпевают не на столе, а на лаве. К тому-то и в песне жена, в сердцах на мужа своего поет ему:

«Хибâ, тоді затужу,
Як на лаві положу;
Хиба тоді заплачу,
Як на лаві побачу!»

Не довольствуясь поминальными *проводами* всех родичей в понедельник, женки собираются по хатам еще и во *вторник* — поминать *дядинóк*, т. е. дядьковских жен, по которым и этот дополнительный *жоночий* или *бабский* праздник называется *дядинка́ми*, а в Переяславском уезде *громни́цями*. Но обыкновенно на Украине *громни́ци да блискави́ци* полагаются в первый вторник Петровки, после понедельника, называемого *Розыгра́ми*. В некоторых местах празднование *могилки* перенесено с понедельника на *вторник проводной*; а в городе Золотоноше вместо того на *могилки* собираются в *Мироносный понедельник*: там на кладбище находится и небольшая церковь во имя *жен Мироносиц*¹⁰. С проводным вторником кончаются уже для обоего пола Великодние праздники, и жизнь Украинского селянина входит с новою силою в свою работную, буднишнюю колею. Куски и крошки паски, скорлупы крашанок и все прочие останки *свяченого*, сбереженные тщательно, пускают на воду; а часто их сберегают вместе с дробка́ми соли свяченой и артосом или *Дарником*, как целебное средство, особенно для отелившихся коров. Свяченное сало почитается лучшею мазью для волов, когда у них от ярма натрутся шеи. Остатки всего *свяченого* сберегаются, и как охранительное средство будущим хлебным скирдам от мышееду. Ведется по всей Украине поверье, что если мышь съест хоть крошку святой паски, то обращается в *кажанá* (летучую мышь).

Из постоянных дней апреля главный 23-й *Юрьев день*, почитаемый за великий праздник, по особенному уважению всего христианского мира к *победоносцу Георгию*. Сей святой витязь на белом коне — «лицом бяше красен, и храбр вельми» и прославлен, как низложитель Ливийского змия; а по своему имени св. *Георгий* — *земледелец*, и почитается издревле покровителем земледелия и скотоводства. Так и на Украине, *на Егория* — каждое село выходит в поле, для молебствия и освящения посевов озимых и яровых, при чем бывает освящение криниц и колодезей; и с этого дня уже не пускают скота ходить по полям *бѣзбаш*, т. е. без пастуха; до Юрьева дня даже нарочно *сбивают* житá скотом, чтобы они лучше росли в новые стрелки. С этого же дня запрещается пускать скот и на те *луки* и *стены*, которые назначаются под сенокос. А об запасном

¹⁰ Во многих местах Украины, кроме проводных мóгилки, прицерковные *сестрички* устроят панихиду и поминальный обряд еще в понедельник Мироносный.

корме ведеться пословица, что — «и в дурня стане сена до Юрья, а у розумного до Николы».

Украинский селянин примечает на Юрья вышину своей озими: «коли сховається в житі ворона, то буде урожайне літо; а як горобцю по коліна, то буде лихе літо». Предвестницею урожая служить и зозуля (кукушка): «коли закуе до Юрья на голе дерево, то буде голодне літо; а як на лист, то буде політьє». Зозулю представляють кующею на дерево; потому и про те кольца, что складываються из мотыльковых яичек на вишневых и других ветках, говорят, что то «зозуля наковала». Не один Украинец с началом весны носит при себе копейку *про зозулю*, чтоб показать ей, послышав ее в первый раз, и чтоб она наковала ему копейку на весь год. Но не об одном только наступающем лете кует вещая зозуля Украинцам; у нее часто запытывають девчата, через сколько лет они выйдут замуж? Порою и старик спросит у нее: сколько лет ему жить еще на этом свете? А об соловье, прилетающем из *вырая* почти в одну пору с кукушкою, говорят, что он только с Юрьева дня начнет петь свою настоящую песню *тѣх-торорѣх*; а до Юрья он только *цверинькает*, зауряд с прочими пташками.

Юрова роса почитается на Украине целебною для очей; для того и собирають ее обыкновенно цедилкою, которую оставляють на траве на ночь под Юрьев день. А во время обедни каждая Украинская хозяйка ставит свечу перед образом св. Георгия, прося его, чтоб он доглядел ее овечку или телицу; а содержатели скота, особенно *чередники* и *ватажники*, на Юрья постятся до захода солнца, а иные даже не гонят и скота на пашу, а кормят на дому. Такой обычай соблюдается *про зверя*, т. е. про волка (которому собственно и принадлежало в древнее время имя *лютого* зверя); ибо на Украине говорят, что «святой Юр звіра пасе», — и волк считается *Юровою собакою*, которая без его дозволения не займет ни скотины, ни людыны. Так и у Великорусского народа говорит пословица: «у волка в зубах, что Егорий дал».

Чередники, ватажники и табунщики к Юрьеву дню отпускають себе бороды; ибо Украинцы вообще *голят* бороды с давнего времени, хотя и неизвестно, с какого именно. Впрочем, на Украине в старину борода считалась украшением старого человека. Так достоправный гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, скончавшийся в Киеве *1622 года, 10-го апреля, на проводной недели*, носил бороду¹¹. Храбрый Лубенский полковник *Леонтий Леонтьевич Свечка* в конце 17-го века, тоже ходил с бородою. Да и в старинных песнях Украинских говорится, например:

«Діду мій, світе мій,
Шовковая борода!»

Что касается до подбривания головы, то старобытные козаки, особенно Запорожские, оставляли и лелеяли на голове *чуб*, по образу *Святослава Хороброго*¹², легко ходившего в войнах, — *аки Пардус*, и сложившего свою чубатую голову у Днепровских порогов, с наступлением весны 972 года. В некоторых приднепровских местах еще и теперь козаки, особенно молодые, ходят в *чубах* или *оселѣдях*. Но господствующее ныне в Украинском народе подбривание головы в *чуприну* распространилось, кажется, в 17-м веке, в подражание обычаю польскому. Заднепровский козак, написавший в том веке летопись, названую *летописью Самовидца* (1846, см. стр. 12), говорит, что в 1648 году на Украине «ремесники молодые головы собі голили *по польску*, чуприну пускаючи на верх головы».

У Святослава внука, Ярослава Владимировича, христианское имя было *Георгий*, и он, с 1032 года, строя города по реке Роси, поставил там город *Юрьев*, при котором была и особая *Юрьевская* епархия (известная с 1072 года и до нашествия Батыева). А в

¹¹ См. портрет его в 3 книге *Киевлянина*, 1850, на стр. 151, взятый из современной книги: «Вірши на жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного» 1622.

¹² Так назван воинственный князь Святослав Игоревич, в Волынской летописи, под 1254 годом: «не бе бо в земле Русцей перее, иже бе воевал землю Чешську — ни Святослав *хоробрый*, ни Володимер *святой*».

последние годы своего княжения, Ярослав поставил в Киеве церковь с монастырем, во имя *св. Георгия*, пред воротами Софийского храма. По ее освящении митрополитом Иларионом 26-го ноября, Ярослав «заповеда по всей Руси творити праздник св. Георгия месяца ноября 26-й день»¹³. И таким образом учрежден тогда на Руси праздник св. Георгия *осеннего*.

В позднейшие века тоже воздвигались церкви и обители во имя св. Победоносца — в разных местах Украины. Так в 17-м веке под Золотоношею, на островку, похожем на скирду сена и называемом *Красною Горкою*, возник небольшой скиток, с маленькою плетневою церковью во имя *св. Георгия*. Старанием Золотоношского сотника *Войци Сербина* и земляка его, Переяславского полковника, *Дмитрия Григорьевича Раича* (или Думитрашка Райче), тот скиток был обращен (около 1687 г.) в монастырь *Красногорский*. В Киевском Выдубицком монастыре Стародубовский полковник *Михайло Миклашевский* 1696 года построил своим иждивением каменную церковь *св. Георгия*; и с той поры там собирается в Юрьев день народное гулянье. А здесь, на Днепровском побережье, верстах в 12 выше Супоя, над селом Бубновскою слободкою, есть древнее *Городище*, весьма искусно устроенное на углу крутого и глубокого яра. На это замечательное место, с которого открывается такой живописный простор и в степ и на Днепр, и на гористое Заднепровье, в *Юрьев день* издавна поселяне окрестных сел сходятся на гулянье; а по какому случаю повелось оно, неизвестно. В рассказах об этом городище нет ничего особенного, ему исключительно принадлежащего, а только общая обо всех подобных местах молва, что тут была некогда церковь, ушедшая в землю... В этой повсеместной молве, переходящей из рода в род, не отзывается ли та предковечная быль, что все эти *рѳбленные могилы* и *городища*, так знаменательно выдающиеся по Украинским степям, возникли первоначально как молитвенные храмы того народа, который впоследствии перешел в баснословные рассказы Украинцев о *Вѣлетнях* и других первожителях земли Южнорусской, и от которого прочие степные могилы, *круглые* и *острые*, остались, как памятники надгробные? Так, на левой стороне Трубежа, под Переяславом, есть круглая могила *Свидова*, о которой говорят в народе, что она насыпана над Вѣлетнем *Свидом*.

К числу забав Юрьевского гулянья на Бубновском городище принадлежит катанье красных яиц, столь любимое по всей Руси. Во многих местах Украины девчата, после обеда в Юрьев день, выходят катать крашанки в поле на житáх, и там закапывают их в землю до начатия жатвы.

III. МАЙ.

Третий месяц весны май, встарнну назывался травнем, ибо в этот месяц нарастает трава по степям, лугам и лесам, на сено и на лекарства.

Мая 1-го, в день святого пророка Иеремии, жители Киева собираются после обеда на гулянье, которое от начала прошлого столетия и до последних годов деялось за Лыбедью, в роще Шулявшине, называвшейся в древности Шелвовым борком. Это гулянье повелось у Киевлян по примеру занятых у западных *школ*, *маевок* или *майских рекреаций*, для которых Киевские ученики с учителями выходили из своих «Аполлоновых житниц»¹⁴ на гору Скавику (по древнему Щековицу), и там потешали себя и древнюю мать Русских городов разными играми и представлениями. Но селянин Украинский не знает гулянья в день *святого Яремы*, возлагавшего на себя ярмо во дни своих пророчеств. «Прийде май, то всяк собі дбай», говорит Украинец, и неусыпно продолжает свою

¹³ Так в древнем Прологе 16-го века (см. *Киевлянин* кн. III, стр. 67), где именно сказано, что Георгиевскую церковь святил митрополит *Иларион*, как показано было и в Патерике С. Коссова, И так это было между 1151—54: годами, а не 1045 года, как значится в позднейших каталогах Киевских.

¹⁴ *Nottea Apollinea*: так называл Киевобратские школы Сильвестр Коссов, в книжке своей *Exegesis*, 1635.

оранку и севбу на поле. Тогда не время и для свадеб, в хозяйском быту; «кто в Маї звенчаїтся, буде вік маяться». Так и у Великорусского селянина: «святой Еремей Запрягальник», а первомайское гулянье Москвы в Сокольниках зовется «Немецкими станами».

Люблю посмотреть на Украинскую бранку весною, когда, в виду зеленеющих житами нив, тяжелые плуги, влекомые восьмериками круторогих волов, ходят по широкой степи, бороздя *в склад* тугую землю, и, под сиянием благодатного солнца, среди немолчного пения веселых жаворонков, раздаются протяжные клики погоничей: «гей!» т. е., вперед!... Много жизни в этой потовой работе пахаря; в ней совершается первоначальный труд, назначенный человеку от Бога: *делати землю!* И земледелие для Украинского народа, потомка и наследника древних *Полян* — выше всякого ремесла и промысла, любимое дело его жизни.

Как ни легка северная *соха*, и особенно бесколесная соха *одноконка*, но Украинский селянин не покидает своего праотческого *плуга*, который и не кажется ему тяжелым, так же как не кажутся ему тяжелыми ни волы и возы его, ни его степная *земля—мати*, ни сам он, в своем многотрудном хозяйском быту, где все у него сладилось веками одно к одному... «Як плугом одорав», говорит он о том, кто облегчит ему душу, выручив из какой-либо трудности. Он уверен, что *соха*, столь удобная на своих местах, для степной земли не годится, что к надлежащему поднятию Украинской земли на хлеб — способен только *плуг*, которому и придает он высокое происхождение. Ибо он говорит, что сам Бог дал Адаму *плуг*, а Еве *кужёлку*, когда высыпала их из рая; что и «Кузьма-Демьян. Божий—коваль», ковал плуг, когда великий змей, истреблявший род людской, хотел уже напасть на него... И уже языком своим пролизал змей железную дверь в его кузницу. Тогда Божий—коваль ухватил змея клещами за язык, запряг в плуг и, проорал землю от моря до моря; и те борозды лежать по обе стороны Днепра *змеевыми валами*. Великий змей в плуге все просился напиться воды из Днепра; а Божий—коваль все погонял змея, паки доорался до Черного моря, тогда уже пустил змея пить доволи; и как выпил полморя, то и расселся; и поползли из него по всей земле малые змеи. По народному сказанью и князь Борис все плуги ковал да людям давал! За то и великое почтение к святому князю у земледельческого народа Украины.

Мая 2-го, *на весняного Бориса*, здесь, в Переяславской Украине, отменяется полевая работа, по пословице старых людей: «на Глеба и Бориса за хлеб не берися». В других местах Украины это относят к *летнему Борису* (24-го июля).

Ко дню весняного Бориса, называемому у Великороссиян «соловьиным днем», народ из хуторов и сел Переяславской Украины идет, как *дым*, на берег *Ильтицы* (т. е. Альты), освященный кровью св. князя Бориса (24-го июля, 1019 года). Тут и в древнее время стояла часовня, поминаемая в летописанье под именем «божницы Летской» (т. е. Альтской), и к ней ходили тогда из Переяслава праздновать *2-го мая*, как день перенесения мощей Бориса и Глеба. Оно совершено было в Вышгороде, в первый раз 1072, а в другой раз 1115 года, при великом князе Владимире Всеволодовиче Мономахе. Сей «добрый страдалец за Русскую землю», (как он назван в Киевской летописи) по *великой* любви своей к святым мученикам — князьям, поставил во имя их *прекрасную* церковь на славном берегу Ильтицы, и у той *милой* ему церкви окончил он свою жизнь *19-го мая*, 1125 года, а отсюда перевезен детьми своими в Киев, ко святой Софии, и там положен возле отца своего, и возле меньшего брата своего, Ростислава, князя Переяславского, утонувшего в реке Стугне, *26-го мая*, 1093 года.

Вышеупомянутая божница в позднейшие веки возобновлялась постоянно (под именем *каплички*) над *каменным крестом*, поставленным *на крови св. Бориса*, 1664 года, 2-го мая. В недавнее время, попечением Переяславского архиепископа Гедеона, сооружена на месте часовни каменная церковь. Сюда в Борисов день, после литургии, идет большой крестный ход из Переяславского Вознесенского собора; и когда совершится водоосвящение на заветном берегу Ильтицы, народ целыми сотнями устремляется в

освященную реку, чтобы окупаться в ней и, вместе с сброшенной с себя одеждою, потопить в ней свои недуги и печали, а множество народа и весь молебен слушает, стоя в реке.

Между тем, как на полях Украины производится весенняя бранка, с нею продолжается и севба. *Яринá*, собственно так называемая, сеется в начале весны на *рольї*, поднятой плугом с осени на *зябь*, и потом проходимою ралом уже перед самым посевом. *Усатый ячмень* говорит своему хозяину: «Кидай мене в грязь, то будешь ты князь»; и за Днепром говорит он: «топчи мене в болото, то буду як золото!» За ячменем идет в ролью *ярая пшеница*, а за нею *рясний овес*.

Чтобы пшеница родилась чистая «як золото», многие хозяева сеют и в чистый (великий) четверг; а чтобы в ее колосья не вкидалась травная болезнь, *сажка*, сеют ее в ту пору дня, как уже не видно дыму из хат, и бросая зерна ее в ту сторону, куда ветер веял на Евдокии. Если же сеется пшеница и не в чистый четверг, то приметливый *севак* надевает на себя ту сорочку, в которой он причащался, и которую для того скидает он с себя тотчас, как придет из церкви после причастия. Рассеяв пшеницу, разумеется, на-що-сердце (т. е. на тощак), садятся и едят сперва те кресты, что спечены были в середу *нахрѣстци*, из своей, непокупной, пшеницы, и при том с маком; в ту середу сеемым. Так ярая пшеница, — эта княгиня между хлебами, — предохраняется от докучного, хотя и красивого, зелья, *куколю*, сеянье которого в ярине, по Украинскому поверью, вменяется *полевому дідьку*, его же (как и *водяного* или *болотяного*, и *лісового*, и *вітряного* и всякого *дідька*) зовут без различия *сатаню*, *бісом*, *чортом*, *лукавым*, *диаволом*. Полевому сатане или дідьку вменяется сеянье еще двух зельев: *осоту* по полям, и *вѣху* по болотам. О ядовитом *вехе* (*cicuta virosa*) ведется Украинское поверье, что он стонет как человек. О *куколе*, (*agrostema githago*) идет сказка, что из него сатана выкурил первую *горелку* на свете, и подпоив нашу праматерь, Еву, дал закусить ей яблочком. А об том, как сатана рассеял по нивам *осот* (*cirsium arvense*), ведется на Украине такая сказочка. Когда уже была сотворена земля, и пошло на ней все своим порядком, увидел сатана, что мужик сеет на ниве, и спрашивает: «А что ты сеешь!» «Овес». «А где ты взял!» «Бог дал». Вот тогда сатана предстал перед Бога, и выпросил себе овса, и побежал с ним на землю, твердя, чтоб не забыть: «овес, овес».... А святой Петро́ говорит: «Господи! Понес сатана на землю овес; а то зелье доброе, пригодное человеку и для коней и для него самого; дать бы сатане какое, непотребное зелье!» И сказал Бог: «добре!» Тогда святой Петро, догнав сатану, спросил у него вдруг: «что ты несешь?» Оторопев, сатана проговорил: «ТЬбру! Вот же уже и забыл». «Не кропиву ли?» «Нет, нет, то такое, что как говорит, то сычит!» «Может, *осот?*» «Так, так!» сказал сатана, и побежал на землю, твердя, чтоб не забыть: «Осот, осот».....

Из всех хлебов на поле, говорят, сатана старается вредить особенно пшенице, как самому белому и самому святому хлебу; и он вредить ему куколем и всячески. В одной песне говорит козак:

«Дівчинонько, принѣс тебе дідько,—
Росіав я пшениченку рідко».

Недобрый нахлебник земледельца известен и у нашей западно-славянской братии. Так у Словаков, когда весною (на *Кветной* или *Смертной* неделе) девчата торжественно несут из села соломенную куклу *морены* (какая и на Украине кое-где наряжается, под именем *Маринки*, в купальную ночь); — хлопцы за ними несут соломенного *дідька*, припеваючи:

«Дідко наш, дідко!
Пожрав си нам вшітко»¹⁵.

¹⁵ См. Колара.

Мы уже видели, как девчата на Украине, в своих веснянках, воспевают и разыгрывают сеянье маку, ячменю, пшеницы и проса. Что касается до сеянья *проса* на самом деле, то она начинается с конца проводной (Фоминой) недели, и повторяется несколько раз, смотря по погоде и досугу: «коли до Ивана просо з ложку, то буде и в ложку»! Землю на просо поднимают плугом обыкновенно весною, и не ралют ралом, а *скородяют* бороною; а потом, рассеяв просо, *волочат* бороною с *напором*, т. е. с привязанными к ней поленьями, чтобы разбивать землю и затирать в нее зерно. Где можно, там на просо, как и на лён, поднимается *новь*. В просо, как и в пшеницу, нередко вкидается травная болезнь, *сажка*, от которой у него, вместо многозернистых *волотьев*, вырастает *кичка*, — травяной мешок, наполненный дрянью. В предохранение от этого все, назначаемое к посеву просо, перепускается через поломя или дым зажженной соломы; а иные полагают, что достаточно для того кинуть в огонь жмень (горсть) проса, перед самым посевом. В обоих случаях ожидают, что от такого очищения проса *огнем*, оно уродится чистое, *як вода*. В просе растёт обыкновенно, сродный с ним злак, *брыця* (*setaria viridis et glauca*, по Линнею *panicum*); но как зерно этой, впрочем сорной, травы, любит *дробинá* (домашняя птица), то об ней говорят: «брыця в пашне помошняя». Когда весною появляются во множестве жуки, называемые *хрущами* (от которых зазеленевшие дубравы становятся тогда опять безлиственными), то это примета богатого урожая проса. А у женок Украинских есть другая примета: когда цыплята заводят пение еще под квочкою (наседкою), то это — на просо.

Вместе с просом, на проводной неделе, начинают сеять *конопли*. Эти ранние проводные конопли сеются собственно на тонкую пряжу, которая тянется из плоскони (т. е. мужеской конопли), а ранняя *мáтерка* (т. е. женская конопля), если и бывает годна на прядиво, то на *семя* хороша не бывает.

Из всего, что сеется в поле, только на конопли (да еще на *тютюн*, табак) готовится *пóдмет*, т. е. унавоженная нива, избираемая обыкновенно в долинковатом месте, и поднимаемая глубоко плугом в осени, а потом еще в другой раз весною. Что же касается до хлебных злаков, то ни один из них, на богатых степях Украины, не нуждается еще в навозной пище; земля-мати питает их еще сама, без трудовой возни человеческой; и от напрасного унавоженья степной земли хлеба вылегают на ней, как от проливных дождей, и растут более в солому, чем в зерно.

Украинский селянин, при своей черноземной почве, остается беспечнее земледельца севернорусского. Посеяв *ярину*, он ждет на нее и на весь свой хлеб майского дождя, как благодати Божией; ибо говорит он: «як выпадуть в мае три дощи добрых, то дадут хлеба на три годы»! а жонки, как только соберутся в свои веселые беседы, всегда поют и пьют за урожай пашни:

«Ой выпыймо, родино,
Щоб нам жито родило;
И житечко, и овес,
Щоб зобрався род увесь;
И пшениця, и ячмѣнь,
Щоб нам жити смачней»!

К этому иная припеваает еще:

«А гречечка на крупы
Як не стане, той купи»!

Гречка, называемая у западной братии нашей и *татаркою*, и *поганкою*, а по сказке Великорусской и происшедшая из прекрасной княжны Крупенички, — сеется на зерно уже в июне месяце; а гречка *маѣвка* сеется собственно на цвет для пчелы, которая говорит хозяину: «годуй мене до Ивана, то наряжу тебе, як пана»! Но я позабыл было сказать о *горохе*, который сеется на поле рано, вместе с яриною, так как он не боится весенних морозов. Самым благоприятным днем для его посева почитается Лазарева суббота....

Горох в поле при других хлебах тоже, что убогий *подсуседок* при *хозяине-богатыре*. На Украине бедняк-селянин говорит о себе: «живу, як горох при дорóзе: хто йде, не мине, за стручечок скубнѣ!» Полагают, что от соседства с твердо зернистым ячменем и горох родится с зерном твердым и невкипущим; а чтобы зерно его было мягкое и раскипчастое, сеют его возле гречки, а и того лучше на мягкой гречковке.

Как жемчуг во сне, так горох на яву есть примета и подобие слез. Потому утром на Василья, когда по хатам насыпают разным зерном, в привет с новым годом, не позволяется посыпать горохом. По этому молодежи не едят гороху на що-сердце (на-тощак), чтоб не катились у них слезы из очей, от их замужнего житья. А между тем:

«Соловейко у садочку тѣх—торрóх;
Покотились дрóбны слѣзы, як горох»...

Но оставим на время поля, и обратимся к водам, к их представителю *Днепру-Словуте*, который в козацких песнях величается *батьком*.

«Ой ты, Днепре, ой ты батьку мѡй,
Скажи правду да Самарськую!»

Река Самара называлась у козаков *святою*, и там на острове, при впадении Самарчика, был Запорожский *Пустынно-Никольский* монастырь.

Разлив Днепра, которым так роскошно означает себя весна на Украине, останавливается обыкновенно около Юрьева дня, — тогда, говорят, как зацветет *густый тѣрен* (терн). В ту пору кончается выход живой рыбы из Днепровской глубины на луговое мелководье, для весеннего *тѣрла*.

Прежде всех рыб выходит *щука*, зачинщица весны в Днепре, самая знаменательная рыба у народа Украинского:

«Щука рыба в морі
Гуляе доволи;
А я козак на чужині,
Да не маю доли!»

Молодая козачка, в тоске по своем муже, находящемся в походе, поет себе:

«Ой зыйду я, зыйду
На крутую гору,
Ой стану я, ой гляну я
На быстреньку воду:
Щука рыба грае,
Доволи гуляе,
А я стою, да думаю,
Що пары не маю!»

«Щука хвостом лед розбивае». А кончает весну в Днепре толстый *корѡп*, такой же прыгущий, как щука, и также как она, бывающий иногда в пуд весом. Позднее всех рыб выходит он на мелководье из глубины Днепровской, уже под конец разлива¹⁶. Но самым верным показателем, что разлив Днепра кончается, служит птица *крячѡк*, и особенно *черный крячок* (*sterna nigra*), с которым в песнях сравнивается бездомный козак-сиромаха. Прилетая на Украину, эти крячки пристают сперва на Суле, Супое и других меньших реках; но как только остановиться разливу Днепра, они во множестве налетают на его берега. Это замечается и в обыкновенный, ранний разлив, и в поздний, доходящий иногда до Николина дня, но не далее.

¹⁶ *Коропова луска* составляет на Украине любимый узор для тканья скатертей; а также и для густых поясов, таких красных, «як жар потухае».... А для женских *плахт* самый лучший узор встарину был — *воловы очи*. Воловыми очами здесь, на Супое, зовется и дикорастущая порода, астры (*aster amellus*).

Мая 9-го, *на весняного Николы* — великий праздник, в память перенесения мощей сего святителя и чудотворца в город Бари, 1087 года. Во многих местах Малороссии делают в этот день заздравные обеды, называемые «Никольщиною».

Тогда-то особенно хорошо поются два псалма Святителю, слышимые, впрочем, всегда и везде, где только поют *старци* (нищие) и *лирники*:

«Ой хто, хто Николая любить,
Ой хто, хто Николаю служить,
Тому святий Николае,
На всякий час помогае, —
Николае!» и т. д.

К нему, *Скорому Помощнику*, обращается с молитвою народ во всех внезапных бедах и напастях, особенно же почитается он властвующим *на водах*, и в Киевском Софийском соборе кто из Украинцев не знает придела во имя *Николая Мокрого*, с чудотворным его образом? В одной из Украинских колядок поют:

«Сидить Николай
В конце престола,
Головку зхилив,
Слѣзоньку вронив;
А з тои слѣзы
Дунай разлився»...

Днем *весняного Николы*, по Староукраинскому народному понятию, освящается вода на купанье; а прежде сего дня не должно вбродить в воду на купанье — «бо з чоловіка верба виросте», т. е. вырастет над его прибережной могилою, из поставленного на ней вербового креста (как это нередко бывает на кладбищах, что могильные кресты разрастаются в большие плакущие вербы). До весняного Николы не должно и конопель мочить в воде; а если намочены, то к этому дню надо вытянуть их из воды, чтоб не пришлось вытягивать утопленника.

К скорому помощнику обращаются с молитвою Украинцы от всякой *мары* (привиденья), особенно же от «болотяного дідька», в бытии которого народ не сомневается.

Множество рассказов на Украине, о том, как *болотяник*, подметив запоздалого в шинку гуляку, сторожит его, обернувшись в веселого человека, и вызывает проводить его до дому, и в темную ночь присвечивает ему своим болотяным огоньком; когда гуляка проснется утром, то видит себя на водяной мельнице, или на иной надводной круче, на которую самому и не взлезть бы. Иной раз девчатам, когда пойдут они на болото, по лакомый для них *рогôз*, вдруг покажется черный вол в купьях, или жид в ольхах... и когда они станут креститься, не станет вдруг ни черного вола, ни жида в красном поясе, а только прошумит там, как бурю. Иногда болотяник, под видом вьюна, заползает в рыболовную вершу, которую он очень любит, особливо ту, что называется *скрипкою* (что наверху с колпаком). Потому-то в веснянках поют девчата:

«Ой, на тобі, сатанó, вершу—
Верни мою женишину першу!
Ой, на тобі, сатанó, и другу—
Верни мою женишину любу»!

Но самая любимая потеха болотяника — разорять по ночам плотины и гребли, с таким трудом насыпаемые и поправляемые Украинскими козаками. К тому-то в веснянках поют девчата про неверного жениха:

«Нехай ёго тии просять,
Що гребли розносять;

Нехай ёго ті благають,
Що гребли ламають»!

Когда же болотяник вздумает настойчиво разорять в гребле каждую ночь то, что сработано людьми в продолжение дня, тогда против этого есть особенное знахарское средство: закопать в гребле *кобылью голову*, которой болотяный дедько и не любит, и боится (знахарки собирают и ту траву, что прорастает сквозь очные ямки конской головы).

Здесь, на Супойских степях, малые дети, когда входят в воду на купанье, то проговаривают на распев:

«Чортóк, чортóк,
Не ламай кóстóк;
Ты з воды, а я в воду»!...

Вот кстати еще купальная песенка, которую проговаривают обыкновенно по выходе из реки, когда вода заходить в уши. Тогда, приложив руки к ушам, качают головою вправо и влево, проговаривая на распев:

«Коте, коте! вылий воду на колоду:
Чи на грóм, чи на дощ, чи на блискавку»?..

А девчата к этому прибавляют:

«Чи на мене молодую, як на листовку» (?).

Потом смотрят на ладони: если сухо, то это на молнию и зарницу; а если блестит вода, то это на дождь и грозу.

Мая 10-го, на *Симона Золота* (т. е. Зилота) — замечательный день относительно травознания — бабы и молодичи Украинские рвут и копают всякие целебные зелья, полагая, что это именно тот весенний день, когда всякая трава бывает в своей силе. *Украинский Зельник* так обширен, что я не стану и называть того, что собирается в этот день, и для чего именно собирается. По народному понятию, каждая трава на земле имеет свою целящую силу и для чего-нибудь полезна, да только не всякому дается травознание. Есть об этом и приказка.

Ехал чумак с своим наймитом из Запорожья на Украину; остановился на по́пас; и когда развели огонь, он отошел в сторону, свистнул на гад, и сползлась его целая куча. Чумак, взял из нее, что ему было надобно, вкинул в котелок; и когда закипела вода, он слил ее на землю; слил и другую воду; и уже в третью воду с *гадюками* (змеями) всыпал пшеница. И когда наелся чумак той каши, велел наймиту пойти на речку вымыть котелок и ложку. «Да гляди ж ты, — говорит, — не коштуй (не отведывай) моей каши!» А наймит не утерпел, наскрѣб себе полную ложку гадючей каши, да и съел. И вдруг стало ему чудно: видит и слышит он, что всякая трава на степи колышется и наклоняется одна к одной, и шепчет: «Я от того-то! У меня такая-то сила!» А как стал он подходить к возу, то слышит, что волы говорят между собою: «Вот уже идет, опять будет закидать нас в ярмо!» А как поехали степью мимо толоки, которая вся была покрыта *бодяком*, как червонным сукном, то услышал наймит, что бодяк, качаючись, все говорит себе: «а я от»...., и с того он засмеялся; а чумак приметил, да не сказал ничего. Вот пришлось ехать через бродок; жеребенок, бежавший за возом, остановился; а кобыла, привязанная за возом, проговорила ему: «Гм, гм! бреди, бреди, не глыбоко!» Наймит опять засмеялся; а чумак говорит: «Чого ты, хлопче, смеєшься?» — «Да то я с кобылы!».. — «Э, сучий сын, я ж не велел тебе коштовать моей каши!».. И, встав с воза, чумак отошел в сторону, вырвал стебло *чернобыли*, облупил его и говорит: «На́, сї́ж!» К когда съел наймит стебло чернобыли, перестал слышать, как шепчутся на степи травы, и позабыл все, что они говорили. От того-то чернобыль и зовется на Украине *забудьками*.

Украинские хозяйки в день *Симона Зилота* закармливают своих коров разными желтыми травами, чтобы масло было желтее; чтобы молоко лучше сседалось в сметану и сыр, обмывают коровам вымье отваром из травы *сідача* (*eupatorium cannabinum*), в этот день собранной. Майское масло уважается не только по виду своему, но и как целебное средство: в несоленом виде оно сберегается бабами, как лучшая мазь для детей. В этот же день производится на Украине первый посев льну.

Мая 11-го, на *обновление Царягорода*, у приметливых хозяек идет спешная полотьба и оправка грядок на огородах. Тогда же садится и сеется поздний горох.

Известное дело, что для огородов, равно и для нив, находящихся возле степных садов, воробьи то же, что некогда для всей Украины были жида, с которыми и сближает воробьев народное поверье в разных случаях.... Чтобы охранить от них большая гряды с *соячниками* (т. е. подсолнечниками) и другим лакомым добром, оно садится и сеется обыкновенно до восхода солнца, или же еще лучше по заходе солнечном. Кроме того, некоторые хозяйки прибегают к следующему способу: после посева, когда станет уже совсем темно, скинув с себя сорочку, обегают они вокруг своих гряд три раза, с такою приговоркою: «Як не може по світу голе ходити, щоб так не могли горобци моих сояшників пити!» При этом надобно еще держать в руках *палянціцу-забудьку*, т. е. такую, которая иногда забудется в печи, когда выбирается из нее пёчево паляниц. Это обеганье вокруг грядок огородных, и даже полевых, ночью и нагишом, напоминает собою то *опахиванье*, которое великороссийские поселанки совершают целою громадою, вокруг своих сел, в охранение их от мору и падежа.

Мая 13-го, на *Лукерьи гречкосейки*, производится первая севба *гречки*, так называемой *маёвки*, которая редко бывает урожайною на зерно, разве в седьмой год; а сеется она собственно для цвету, на поживу пчелам.

Мая 21-го, на *царя Константина и царицы Олены*, производится главная севба льну. Так и у великороссиян: «Алёна Долгие-льны». Там, в мешок со льном, отправляемый в поле на посев, бабы кладут тайком от хозяина пару печеных яиц. Здесь, при посеве льну, для будущей белизны волокна его, варят и едят яйца на поле, а чтобы лен рос повыше, сеянье его поручалось встарину самому рослому человеку.

Но оранка, в этот день мая, почитается делом опасным; ибо, говорят, царь Константин выбивает градом то поле на столько, на сколько можно слышать крик погонича. На Украине, когда наступает градовая туча, (а узнают ее по белым в ней сверху вниз полосам) выкидают из хаты на двор кочергу, лопату и помелó.

На огородах в этот день пересаживают огурцы. Увидав первый цвет на огурцах (равно и на гарбузáх, т. е. тыквах), хозяйка перевязывает его красною ниткою, поспешно вырванною на себе из пояса, и приговаривает: «Як густо сей пояс вязався, щоб так и мои огурки густо вязались у пупянки в огудине!» Когда же, не смотря и на эту перевязку, много бывает пустоцвету, тогда заботливая огородница старается где-нибудь найти затерянный Литвинами (т. е. Белорусцами) *лычák*, т. е. лапоть, волочет его ногою на свой огород, и кидает на огуречную грядку, приговаривая: «як густо сей лычак плёвся, чтоб так и мои огурки густо вязались в огудине!» А чтобы молодую огуречную огудину, да и всякую вообще зелень, не подъедала огородная гусень, для того садят огородину на-щосердце (на-тощак).

Мая 25-го, на *головатого Ивана* (т. е. на третье обретение главы Иоанна Предтечи), производится главная посадка капусты, о которой всего более печалуется огородница. Принимаясь за первое стебло или розсадину, она прежде всего перекрестится, говоря: «дай же, Боже, час добрый! щоб моя капусточка приймалась и в головки складалась!» Потом она ухватит себя за голову, ударит себя по стегнам, говоря: «щоб моя капусточка була из кореня коренистая, а из листу головистая!» а приседаючи к земле, она продолжает: «щоб не росла високо, а росла широко!» А посадив стебло в землю, придавит грядку коленом, «щоб була (капуста) туга, як полено!» когда же докончит посадку, тогда в начальном конце грядки, она ставит большой горшок вверх дном, накладывает на него

камѐнец, а сверху белую хустку (полотняный платок), для того, чтобы капуста была «туга́ як камѐнец, головата як горшок, а бела як платок»! Остальная розсада капусты садится в клечальную субботу (накануне Духова дня), если та суббота приходится после 25-го мая.

Пряхи «на головатого Ивана» не принимаются за веретено, так же, как и на первое *обретение* (24 февраля).

Означив постоянные дни мая месяца, заметные у селянина Украинского, обратимся к переходным дням и неделям.

Тут прежде всего замечательна, на *четвертой* неделе по Пасхе, *пра́вая се́реда*: так зовется в Малороссии день Преполовения. На Волыни и Подолье, и в Червоной Руси, правая середка зовется еще *Рахманским Великоднем*. Это имя, неизвестное на Украине, указывает на какое-то особенное значение правой середины, уже позабытое в народе; ибо и там, за Днепром, народ не знает, в чем состоит «Рахманский Великдень», а говорит только, что он остался от *Рахманов*, когда-то живших в той стороне! Здесь, на Украине, известна веснянка:

«Ой на праву середу
Пасла девка череду»...

Но в ней воспето случайное происшествие дня, не объясняющее нам его прежнего значения. Намеком на него остается только тот обычай Украинский, что в этот день, до восхода солнца, ломают и режут *березовые ветви*, и берегут их на весь год, как целебное средство от всяких повреждений и болей в кости, говоря, что береза на правую середку становится в полной силе своей и — *правит кость*. А как береза, по народно-Украинской символике, есть представительница весны, то правая середка не была ли некогда праздником полного развития весны, и не приходилась ли она в травный день Симона Зилота, прежде, чем приурочена стала ко дню Преполовения?...

Хотя по Пасхалии она приходится уже в разное время (между 15-м апреля и 18-м мая), однако на Украине она почитается самым благоприятным днем для засева *баитанов* (бакчей) дынями, каунами (арбузами), огурцами. Средство этих растений, составляющих особое семейство (*гарбузовых* или *тыквенных*, *cucurbitaceae*), давно означено в Украинской песне:

Ходить гарбуз по горóду,
Пытається свого роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Все родичи гарбузовы?
Обòзветься жовта дыня:
Ось, я, твоя господыня!
Обòзвуться огурóчки:
Ось, мы, твои сыны, дочки!

В *середу на шестой* неделе по Пасхе наша церковь кончает Светлый праздник, а в четверг празднуется уже святое *Вознесение*, называемое по западнославянски *Вшестъем*. Во многих местах Украины, по недоразумению, простолюдье различает эти слова, и *Вшестъем* называет середку перед *Вознесеньем*; но в опровержение этого есть Украинская же пословица: «не придется в середку Вшестъе»!

В Северной стороне, над Десною, в день Вознесения пекут *млины*, т. е. блины, там называемые на этот день «божими онучами». Там же и в середку на *пятой* неделе (на отдание праздника Преполовения) пекутся блины: и это называется там в простолюдье: «подсаживать бога на небо»!

Вознесенские блины Северян припоминают нам, как некогда царь Давид, совершив радостное перенесение Кивота Господня в Иерусалим и, «вознеся всеожжения и мирная, раздели всем людем коемуждо по укруху хлеба, и по части печенаго мяса, и по *сковрадному млину*» (2 царств VI. 19).

На Украине *млинцы* не составляют собою никакой обрядной яствы, ни поминальной, ни масленичной. В поминовение усопших на Украине пекутся обыкновенно *книши*, а масленая отбивается собственно *варениками*, почему, о первом великопостном понедельнике, говорится: «вареники доведуть, що и хліба не дадуть!» Во многих местах по степям, в поминальные субботы приносят на панихиду книши, пироги и опеченую курицу, с пляшкою медовой сыты. Но блины составляют на Украине одно из обыкновенных печеньев, зауряд с прочими; и только в один день они должны быть непременно, вместе со всеми прочими: это на *Меланки*, когда бывает *щедрий вечер*, и когда, как говорит пословица: «живый живе гадае».

Все *четверки* от Чистого (Великого) и до Вознесенского, на Украине почитаются неблагоприятными днями как для выезда в великую дорогу, так и для начатия какого-нибудь значительного дела, а также в эти четверки считается непозволительным делом *золить* белье. Но и в каждый *четверк* в году не должно, говорят, во первых, трусить *сажи* в печах, чтобы она не загоралась; во вторых, ни сновать пряжи на сновницах, ни накидать новой основы на ткацкий стан, чтобы не *сновала* через двор тот *скажэная* (бешеная собака, о которой ведется поверье, что она *сновидяет* (слоняется) по селу только до *девяти* дворов таких, где по четверкам снуют, либо накидают на стан основу. Еще заметны *четверки* на исходе каждого месяца. Знахарки почитают их самыми благоприятными днями для выливания *переполóху*, т. е. такой болезни, которая, по их понятию, происходит от *лукавого*, когда он, при каком-нибудь испуге, входит в человека под самое сердце, и пускает по его жилам свои парусы... (Родимец у детей и *супротивник* у взрослых, говорят, тоже происходит от *лукавого*¹⁷, который хоть раз в жизни каждого человека нападает на него, если не на *рóдиве*, то на *смерті*). А выливается переполох, как известно, над головою больного, на растопленное олово, смолу, воск, с разными притом заговорами. Кроме того у больного, в исходный *четверк*, срезавают немного ногтей и волос и заколачивают их колочком из *клéчанья* — в одвёрок (дверной косяк), если больной уже не молод; или в сырой дуб, если больной еще растет. Не лишним считаю здесь припомнить, что *четверк* в языческой Славянщине считался и даже назывался *перуновым днем*, как у Римлян днем Юпитера (*dies Jovis*), по ближайшему сродству нашего Громовержца с Греко-Римским.

На *седьмой* неделе по Пасхе, называемой «неделю святых отец», в северной Руси празднуется *четверк*, называемый *Семиком*. Там этим днем начинаются Зеленые святки; но здесь, на Украине, Семик неизвестен, и Семицкий *четверк* проходит как будничный день, ничем особенным не заметный. Изо всех дней седьмой недели на Украине замечательна только *суббота*, называемая *Клечáльною*. Она замечательна, во первых, по вселенской панихиде, отправляемой за всех, постигнутых *напрасною смертию*; во вторых, замечательна она тем, по чему и зовется *Клечáльною субботою*: постановкою *клéчанья*, т. е. небольших *березовых* дерев и ветвей, которыми селяне и горожане, под конец этого дня, украшают церкви и колокольни, дома и дворы. Вместе с *клéчаньем* (которое по северски зовется еще *ма́ем*) помосты церквей и домов усыпаются изобильно *травою*, а образа́, столы, окна, сволока́ и все, что только удобно, убирается *цветами*. Так, в заключение *весны*, главные произведения трех месяцев ее, *Бéрезня*, *Кветня* и *Травня*, соединяются в одно праздничное приношение — к святому *пятидесятому* дню, который называется *Духовым днем*, в память сошествия Святого Духа на апостолов, в виде *огненным языков*, и который ознаменован в церкви нашей необычайным служением вечерни вслед за литургией. На *восьмой* неделе по Пасхе, называемой «неделю пятидесятницы», а также *Троицкою* и *Зеленою*, — хотя она по Пасхалии приходится розно, — (и в последнюю треть мая, и в первую треть июня), по народному понятию сходится конец весны с началом лета; лето встречается, весна провожается. С этой точки зрения мы будем смотреть и на разные народные обычаи, которыми сопровождаются

¹⁷ Не будет ли это мифический *род*, поминаемый вместе с *Роженцами*.

Зеленые святки. Что весна, по народно-Украинскому понятию, продолжается собственно до *Святого Духа*¹⁸, то видно из того уже, что девические *Веснянки* (игорные и песенные) прекращаются почти везде на *седьмой* неделе. В последний день ее (т. е. в клечальную субботу), представительница *весны*, — *белая береза*, — рубится и ставится в привет наступающему лету. А что обрядное дерево на Зеленых святках есть именно *береза*, это видно и по Великокороссийским народным обычаям в Семик и на Троицу; если ж идет на клечанье и другое дерево, особливо клен и липа, то это делается или для большей роскоши, особенно при украшении церквей, или по недостатку в березе.

Но тут надо особо заметить о клечанье из *осины*, называемой по Украински *осыкою*: оно ставится на воротах и на всех углах *загороди* (т. е. скотного двора), в охранение коров и телят от ведьмы; ибо это дерево, по народному поверью, имеет особенную силу противодействовать всякой нечистой силе. Потому и знахарское употребление осины разнообразно, особливо той, которая стояла в клечанье. Так и между пахучими травами и цветами, которыми дома убираются накануне Духова дня, является на окнах и порогах *польнь* — от Русалок, выходящих в эту ночь из своих вод на сушу, и *кропива* — от ведем, которые в эту ночь особенно промыслительны, и рыскают по дворам. Предусмотрительные хозяйки в клечальную субботу вынимают из терниц деревянные *мечики*, которыми трут конопли; ибо ведьмы любят красть их в эту ночь, чтобы после рубиться ими, когда, слетясь на Лысую-гору, они начнут там свои потехи. Улетая туда, они затыкают себе за пояс, вместо сабель, украденные мечики; а там, когда, между прочим, начнут и свою междуособную баталию, тогда, бьются в лад теми мечиками, они все приговаривают: «Що втну, не перетну!» и от того они остаются поранеными! Хозяйка украинские в клечальную субботу выезжают в поле, чтобы делать последний сев конопли, и уже собственно на семя, не на пряжу; а кто не успеет в этот день, тот досевает в два последние дня Зеленой недели, хотя впрочем все полевые работы у старых Украинцев отменялись на всю эту неделю. Равно и женки в дворах не ткут и не прядут во все дни *Зеленых святков*, называемых на Украине и *Святою неделею*, в отличие от *Светлой, Великодной*. Во всей Малороссии *Троицею* называется второй день Зеленой недели, т. е. *понедельник*, с которого собственно и начинаются народные забавы, после церковных молитв на *Святого Духа* (т. е. в воскресенье).

В Северной стороне ведется почти позабытое на Украине завиванье Троицких *венков* на березах, или же плетенье венков на головы из березовых веток, перевитых цветами. Там, над Десною, эта Троицкая забава называется *кумованьем*, и сопровождается разными песнями и закусками, в числе которых *яичница* составляет, можно сказать, обрядную яству. На берегах Десны записана Троицкая песня, напечатанная в моем издании Малороссийских песен 1827 года:

«Ой завью венки да на всі святки,
Ой на всі святки, на всі прázдничкы!» и т. п.

Помню и другую Троицкую песенку:

«Перед нашими воротами
Вились, завивались,
Два голубчики, два сизеньки;
А я в луг поїду, я вінок завью!»

За каждым стихом припеваается: *Ой Лели Ладо!*

Будучи учеником Новгородсеверской гимназии с 1812 года, я не раз видел, как там *кумились* в знаменитом Троицком саду и в Полковницком гаю; но не припомню, было ли

¹⁸ Украинская пословица «до Святого Духа не кидай кожуха» согласуется с тем же понятием, что до этого дня продолжается еще *весна*, и поводом к пословице мог быть безвременный мороз, какой замечен и в так названной, «Черниговской летописи». В ней записано, что 1619 года «снег на Вознесенье Господне выпал, с морозом, же в полю, от великости снегу и зимна, овечки померзли».

там целованье сквозь березовые венки, и так называемое «крещение кукушки» (под видом травы «кукушкины слезы»), какие ведутся в Среднерусской стороне, где и Троицкая березка зовется *кумою*. В Северной стороне завивались венки и девчатами, преимущественно в Троицкий понедельник, и молодницами — во вторник; а в иных селах, вместо того, только носили по улицам срубленную березу с разными песнями. «Что город, то норы, что деревня, то обычай», говорит Русская пословица. Так и здесь, на Украине, например у нас, на *Побережье*, в Прохоровке и других селах, уже вывелись почти все Троицкие обычаи; в некоторых селах на Супое, независимо от игорного *дуба* (о котором сказано будет ниже), девчата после обеда наряжают как-нибудь особенно двух красивейших подружек своих, и вслед за ними идут по селу и на степь с песнями. В других местах Украины, по свидетельству Костомарова (см. его книгу: «Об историческом значении Русской народной поэзии». Харьков, 1842 года, стр. 53), девчата, выбрав одну из подруг, подвязывают ей руки вверх к палке, и под именем *тополи* ведут ее через слободу и поле, припеваючи:

«Стояла тополя, край чистого поля:
Сто́й, топо́ленько, не розвивайсь,
Буйному вітроньку не по́здавайсь!»

Троицкие венки, в которые завивается береза, знаменуют собою обращение или переход весны в лето. *Венок* есть принадлежность *лета*: сперва этот Троицкий венок из березы, потом купальский венок из цветов, наконец жатвенный венок из жита или из озимой пшеницы. (Подобно тому и *барвінковий*, либо *рутяный* венок, который плетется для невесты, перед брачным венцом церковным, завершает собою девичество ее, весну ее жизни). На Украине, как я сказал, почти позабыты Троицкие венки из *березы*, завиваемые девчатами и молодницами в Северной стороне Малороссии и на Руси Северной. В замен того Украинские *парубки* заботятся об устройении игорного *дуба*: так называется длинная жердь, с прикрепленным на верху колесом, которая вся убирается в траву и в цветы. Хозяйки, зная предстоящее опустошение огородов своих, стерегут их во всю седьмую неделю; но в том и молодецтво, чтобы накрасить цветов там, где стерегут их; к тому же сами девчата помогают парубкам украшать *цветками* и *стрóчками* (лентами) приманчивое колесо, под которым в первые дни (а кое-где и во все дни) Зеленой недели будет их общее вечернее гульбище. Игорный *дуб* ставится в клечальную субботу, (а кое-где вечером на Троицу) обыкновенно на выгоне, либо на уличной площади; вокруг него обкапывается небольшой ровчик; а в некоторых местах ставится вокруг и березовое клечанье. В иных местах, например, в селе Рогозове (между Киевом и Переяславом), эта жердь с колесом называется *сухим дубом*; и к нему, убираемому в зелень и цветы, припевают:

«Розвивайся, сухой дубе,
Бо на тебе мороз буде!
— Я морозу не боюся,
Прийде весна — розóвьюся!»

Этот сухой дуб, наряженный в зелень и цветы, среди березового клечанья, — (иногда веющий целым кругом разноцветных лент, вместо колеса), — не означает ли собою лета, возродившегося на последях весны?

По народно-поэтической символике, дуб относительно березы, что сын относительно матери:

«Ой, дуб до березы
Гóльем похилився;
Козак своёй матусеньці
До нóг уклонився!».

А сам по себе дуб — символ мужества и крепости, любимое подобие неженатого козака:

«Чом дуб не зеленый?
— Бо туча прибила;
Козак не веселый?
— Бо лихѧ година».

Или в другой песне:

«Да зеленый дуб, да зеленый дуб,
Да без сонця завьяв;
Да молоденькому да козаченьку
Да Бог доли не дав»...

А девица-невеста в Украинских песнях нередко уподобляется *дуброве*:

«Зеленая дубрѳвонько,
Чом не говориш, да все кѳришся?
Молодая девчинонько,
Чого плачеш, да все журишся?»?

Так и на Девичь-вечере дружки поют невесте—сироте:

«Зеленая да дубрѳвонько,
Да чого в тебе да пенькѳв много,
А парѳсточка да ни ѳдного?
Що нѳкому зашумѳти,
Дубрѳвонькы звеселити?
Молодая да Марѳсенько,
Чого в тебе да батькѳв много,
А рѳдного да ни ѳдного,
И порѳдонькы ни од ѳдного?»?

Дуб в языческой Славянщине, как известно, был деревом, у которого совершались жертвоприношения богам; особенно же посвящался он верховному богу, Перуну, как и у Римлян Юпитеру. Прямым указанием на это, кроме свидетельств о Славянщине Западной, может служить урочище *перунов дуб* в Червоной Руси, упоминаемое в грамоте 1302 года («И от Перунова дуба до белых берегов, а от белых берегов до Кольменских потоков»). Под самым Киевом был *добрый дуб*, имя которого оставалось на урочище, помянутом в Киевской летописи под 1169 годом. Моление у дуба продолжалось кое-где на Руси и в христианские времена, может быть, уже с мыслию о дубе Мамврийском. Оно было даже в прошлом столетии, как видно из первой части Духовного Регламента, где сказано: «тако ж на ином месте попы с народом молебствуют пред дубом, и ветви оног дуба поп народу раздает на благословение».

Но здесь нам ближе к делу припомнить древнее сказанье Константина Багрянородного о том *великом дубе* на Днепровском (Георгиевском) острове, у которого некогда наша Киевская Русь, переправясь через Днепровские пороги, приносила в жертву богам живых птиц, хлеба, мясо и прочее, сделав *круг* стрелами; а потом метала жеребьи и гадала — резать ли тех птиц, или выпускать на волю? Напоминанием этого Днепровского дуба остался на Украине игорный дуб, на зеленых святках, и гульбицы в устроенном около него *кругу*. Так все первоначальные обряды и обычаи, теряя свой прежний смысл, обращались в простую игру жизни, не имеющую теперь в народе никакого уже смысла, кроме увеселительного, и то нередко запретного.

Игорный *сухий дуб* не относился ли прежде собственно к Троицкому *четверку*, который на Украине зовется *Сухим четверком*, и в который полагается *Русальчин Великдень*? Говорят в народе, что этот четверк такой день, в который не должно ни дерева

рубить, ни травы косить, ни зелья рвать, ни даже грядок полоть, дабы не поворошить и корня огородной зелени; ибо каждая трава и дерево, тронутые в этот день, *усыхают*. Говорят также, что и Русалки, в этот свой Великдень, *просушиваются*. Вследствие такого стародавнего понятия о Сухом четверке, ведется на Украине обычай этого дня — выкидать из комор и скрынь все платье и белье на воздух для просухи.

Приурочивая игорный *Сухий дуб* к *Сухому четверку*, и вспоминая об *огне*, горевшем некогда перед Перуном, и об том Западнославянском обряде, поныне оставшемся у Хорутанских девчат, что они в Троицкий четверк, равно как и в чистый, разводят на поле или в дуброве огонь, величаемый в их припевах *святым огнем*, я полагаю, что от обрядных игр Сухого четверка осталась на Украине девическая игра, называемая *Горю-дубом* или *Горю-пнем*, — в роде Великокороссийских *горелок*.

Девушка, ставшая *гореть*, говорит: «Горю, горю-дуб!» (или: «Горю, горю-пень!»). Одна из двух, против нее ставших, спрашивает: «Чого ж ты горишь?» — «Красной панны!» — «Якои?» — «Тебе молодои!» — Тогда говорит красная панна: «Печу, печу ластѡвку!» — А горящая спрашивает: «Чи спечеш?» — «Спечу!» — «Втечеш?» — «Втечу!» — и те две бегут, а горевшая ловит.

В этой игре горение дуба могло быть обрядным огнем в честь наступающего *лета*, а печение ласточки, этой доброй вестницы весны, потопляемой народным поверьем в глубинах водных на целые полгода, могло быть обрядным знаком прощанья с *весною*. Принадлежность ласточки к *весне* выражается многими относящимися к ней подробностями, даже тою, что кто выдирает ласточки гнезда и яйца, на лице тому нападут *веснушки*.

Между тем в украинских Веснянках встречаем совсем другое гашение дубравного огня — водою:

«Горіла дуброва, горіла,
Я ж молода гасила,
Кубочком воду носила:
Скільки в кубочку водиці,
Стільки в дівочках правдиці». и т. д.

Это гашение дубравного огня водою не было ли обрядным знаком наступления весны, знаменующей себя растворением и потом разливом водным?.. Тут мне припоминается народная сказка, еще в юности слышанная мною в Северной стороне, как вода, в споре с огнем, заливала его собою, и как огонь укрылся от воды в *кремене*, из которого потом и стали его *кресать* люди.

Из Московского Стоглава видно, что и на Руси еще в 16-м веке было паление огня в Чистый Четверк («а в Великий четверток порану солому палят и кличют мертвых»). Вероятно, оно было и на Украине, но уже давно прекратилось и заменилось священным огнем страстных свечей, который Украинцы так бережно несут в ночи из церкви до своей *госпѡды* (дома), чтобы напалить им крест на свѡлке. Есть Веснянка, начинающаяся так:

«На білѡй неділі
Пожари горіли;
Погоріли щирі боры
З вишенькáми».

На *Белой* неделе, т. е. на Страстной; тут есть намек. Впрочем, я не скажу, чтобы это относилось именно к обрядному дубравному огню Четверковому, которым и на Украине, конечно, заведывали некогда девчата. Весьма может быть, что в Веснянке речь о тех пожарах, какие иногда бывают весною от нарочного выжигания в лесах старого листву и сушняку, иногда же от покидаемых пастухами и проезжим людом огнищ, на которых потом растут очень вкусные грибы, называемые *пожарками*. С таким пожаром сравнивается в Веснянках неверный *пáрубок*.

«Ты не пожар, ты не пожар,
А я не былина —
Не зводь мене из рóзума,
Бо я сиротина».

Зеленая неделя на Украине зовется еще *Русальной*, по народному поверью, что в ночь против Духова дня *Русалки* выходят на сушу из своих рек, озер и криниц, и в продолжение всей этой недели гуляют по лесам и полям. Название *Русальной недели* в нашей Киевской Руси ведется издревле, и в 17-м веке оно было здесь общеупотребительным, как это можно видеть из трех мест Киевской летописи (под 1174, 1177, 1195 годами).

Сообразно с понятием Украинского народа о Русалках, которое старался я узнать из многообразных рассказов, надобно различать *три* вида и поколения Русалок.

Во первых — первобытные, коренные, Русалки, представляемые и виде взрослых бледнолицых девчат, с *русыми* длинными, распущенными волосами. Родина их — главное местопребывание — *Днепр*; отсюда они расходятся по другим рекам, озерам и самородным криницам, и там приумножают свой род из рода людского — умершими без крещения детьми, и утопленницами. Девчата, кинувшиеся в воду с какого-либо горя, подхватывались Русалками и обращались в них, и только тем отличаются, что у них *зеленые* волосы. Что касается до умерших без крещения детей, то русалки любят красть их из земли и уносить их в свои воды; они крадут их даже из-под *порога*, где полагается самое надежное им убежище от всякой нечеловеческой силы, как по собственному свойству *порога*, так и по действию *переступания*, которое и новорожденных животных предохраняет от нечистой силы. До семи лет, говорят, есть надежда спасти душу детей, украденных Русалками, — особливо ежегодными панихидами в первый понедельник Петровки. Но если в семь лет они не будут искуплены молитвами, тогда уже навсегда остаются в Русалках. Эта порода Русалок представляется в виде девочек *семилеток*, с русыми кудрявыми волосами, в белой сорочке, без пояса. В разных местах южной Руси они зовутся *Мавками* (т. е. *навками*, мертвухами); но здесь, на Украине, это название неизвестно. Рожденные на земле Русалочки, выходя из воды на всю Зеленую неделю, радостно бегают по полям, особенно по житам, трепля в ладони и приговаривая:

«Ух ух, соломяный дух!
Мене мати породила,
Нехрещену положила!»

А те из них, которые своими невенчанными матерями были потоплены в воде, те любят более сидеть и колыхаться на берегах, приговаривая:

«Новии бильця,
Нове барыльце:
Мене мати не колыхала,
Да в воду пускала!»

Те же приговорки у Русалочек, когда они купаются, или когда они щекочут до смерти попавшихся им девчат и молодежи, которых они вообще не любят, не смотря, что те для них так усердно ломают и кладут на окна горячий хлеб, дабы они попитались его паром; что те для них (в Северной стороне) вешают на деревьях и наметки и полотенца на сорочки, и пряжу; девчата вешают им на берегах еще и венки. *Лоскот* (т. е. щекотка) есть единственный способ, которым все Русалки, большие и малые, наносят смерть человеку; и для того они пристают к людям под разными предложениями;

«Ой бежить, бежить мила дівчинка,
А за нею да Русалочка.
Ты послухай мене, красна панночко!
Загадаю тобі три загадочки;

Як угадаеш, до батька пушу;
Коли ж не вгадаеш, до себе вѳззму».
«Ой, що росте без кореня,
А що бѳжить без повода,
А що цвѳте да без цвѳту?
Камѳнь росте без кореня,
Вода бѳжить без повода,
Пѳпороть цвѳте без цвѳту!
Дѳвчинка загадочки не вгадала,
Русалочка дѳвчинку залоскотала».

В моем издании «Малороссийских песен» 1827 г. (стр. 219) замечено, что эта Русалкина загадка о *камне* напоминает Линнеевский признак минералов «*lapides crescunt*», а цветение *пѳпорти без цвѳту* напоминает принадлежность папоротников к растениям *Тайноцветным* (или Тайнобрачным, *срутогаме*). Маркевич, в своих «Украинских Мелодиях», 1831 г. (стр. 246), говорит, что эту песню «поют хором; одна девушка играет роль панночки, другие роль Русалок».

На Украинских степях девчата уже с первого дня Зеленой недели выходят из своего села или хутора не иначе, как имея при себе траву *полынь*, на тот случай, что может выбежать Русалка из-за степной могилы, или из озерной долины, и станет спрашивать: «а що мати варила»? и тогда надо отвечать: «борщ да полынь»! и надо при этом показать ей полынь. Подобно тому, если итти купаться на Зеленых святках (разумеется, только не в Сухий четверг), то надо сперва бросить в воду нелюбимую Русалками траву, говоря: «от вам полынь»! и будет из воды сказано: «сама ты изгынь»! и можно тогда купаться безбоязненно.

А если кинуть мяту, говоря: «от вам мята»! тогда будет в ответ: «ты ж наша мати»! или: «тут тобѳ и хата»! а если сказать: «от вам петрушка»! и бросить ее в воду, тогда Русалки вскрикнут: «ты ж наша душка»! и начнут щекотать. Русалки более всякого зелья любят *петрушку*; и по этой примете, я полагаю, что известная игра в *дрѳбушки* есть представление Русалок, которые вообще очень любят плясать и кружиться; и для того, в продолжение всей Петровки, выходят они из воды на берег по ночам, и особенно при свете месяца. Игра в *дрѳбушки* или в *дрѳба* состоит в том, что две девушки, став друг к другу лицом, схватываются протянутыми вперед руками, и, сосупясь ногами близко, вертятся скоро, приговаривая нараспев:

«Дрѳб, дрѳб, соли дрѳб;
На камени бочка.
Петрова дочка
Не рабѳтничка.
Выгнала бычка
За ворѳтечка.
Пасись, пасись, бычку,
Поки спряду мычку!
Бычок не пасеться,
Мычка не прядеться.
Став бычок пѳстись,
Стала мычка прѳстись».

Потом они вертятся скоро в другую сторону, чтобы *развертеться*, приговаривая:

«Дробу, дробу, дробушечки;
Наѳвшися петрушечки;
Гиля, гиля до воды,
Наѳвшися лободы»!

Говорят, что Русалки иногда успевают заманить к себе на берег овчаря с сопелкою и заставляют его играть себе всю ночь; и там, где он притоптывал им ногою в лад, остается ямка в земле и даже на камне, если он сидит на нем, играючи на сопелке; а там на земле, где плясали и кружились Русалки, еще лучше трава зеленеет. За Десною известна Троицкая пісенька, сложенная Украинского (как это очевидно по выговору глагола *лезли*, рифмованного с глаголом *грызли*):

«Русалочки, земляночки,
На дуб лезли, коры грызли,
Звалилися, забилися».

Ясно, что здесь идет речь о Русалочках *мавках*, рожденных на земле на сухом дубе, который весьма мог и к ним относиться.

В Украинских сказках¹⁹ не редко бывают действующими лицами наши Нимфы, как называли *Русалок* многие наши писатели, справедливо применяя к ним древнее сказание Прокопия о почитании Славянами *Нимф*. Между сказанными Русалками являются и крылатые девы, большие и крохотные; но об этих и о других мифических девах — речь впереди.

А здесь я приведу некоторые подробности из Украинской сказки о *Котигорошке*. Бездетная жонка шла по воду; увидела, что по дороге котится *горошина*, поймала ее и съела; от горошины родился у нее сын, прозванный *Котигорошком*. При помощи своего вещего вороного коня, этот герой совершил разные чудные похождения, из которых особенно замечательно то, что он, поставив на морском берегу всякого *кράму* (мелкого товару), в том числе и *зеленые черевички*, выманил ими из моря *Морскую Пани* несказанной красоты; а при посредстве *зеленого вина*, там же поставленного, которым упиалась Морская Пани, Котигорошко успел поймать ее, и привез к себе в дом. В угоду ей, он должен был сперва достать со дна моря стоявшую там на камени *скрыню* ее, полную жемчугов и кораллов (а помогал ему в этом морской рак, но не тот, что велик, как хата, а «раченя, такé малé, як стоноженя»); потом он должен был пригнать из-за моря двенадцать кобылиц и жеребца, принадлежавших Морской Пани. Наконец он должен был итти за три-девять земель, туда, где солнце ночует, и узнать: от чего оно прежде всходило *червоно*, а теперь стало всходить *бело*? И когда Котигорошко пришел до *господы* (дома), где солнце ночует, и где все было из чистого золота, то застал там одну *Солнцеву-мати*; и когда пересказал он ей, зачем пришел и что видел в дороге, тогда Солнцева-мати ему сказала: «Подлезь же ты под *Золотое корыто*, и слушай!» И когда *Солнце-Царь*, обойдя все небо, вернулся на ночь до своей господы, тогда Солнцева-мати, говоря с ним обо всем, спросила наконец: «от чего ты, сыне мой, всходил прежде *червоно*, а теперь стал всходить *бело*?» — «От того, мати моя, что прежде, при восходе моем, встречал я в море прекрасную Морскую-Пани, и увидав ее — *почервонию*; а теперь уже не вижу ее в море, и от того я всхожу теперь бело».

Все содержание этой сказки пересказано и переделано в нескольких других, например в сказке о *Трёмсыне*, рожденном от шучьего пера, как он, при помощи своего коня, рожденного от луски той же шуки, съеденной царскою кобылицею, достал, в угоду своему Белозерскому царю, *прекрасную Настасию*, которая, плавая на лодье по морю,

¹⁹ Например, в сказке про старика *Лукомира*; и в сказке о трех побратимах, *Вывидубе*, *Вернигоре* и *Пашке Медвежом Уике*, зачатом от медведя. В этой второй сказке говорится об одной из первобытных коренных *Русалок*, находящейся на том особенном свете, на котором тоже, как и у нас, и солнце светит, и дождь идет, и трава зеленеет, и растет верба густыми тернами, но с которого только птица *грип* перелетает к нам через широкое море; дедок *Корха* лазил оттуда кратчайшим путем, через нору сквозь землю! А этот дед «сам з *кóрха*, семи сажень борода, с семи коз калита, костуром подпирається, чмелёвым пером подкидається». На том-то свете Русалка стерегла свой заповедный *степок*; и за то, что дед с бабою, на том свете жившие, попали на том степку своих овечек, Русалка вынула их очи, и носила их у себя в платочку за поясом!

плескала водою на влюбленное в нее *Солнце*, и прочая, Но в помянутой сказке о Котигорошке все ее содержание уцелело гораздо ближе к первоначальной своей чистоте.

В этой сказке сохранилась из Южнорусской мифологии *Солнцева-мати*, в полном смысле «Золотая Пани»: это наша Латона, которая у Чеха Вацерада, современного Нестору, переводится именем Славянской богини *Летницы*. Сохранился и «*Солнце-Царь*» (так именно он назван в сказке), который у Киевской Руси был обожаем под именем *Дажьбога*, как это с 1843 года стало известно всем из печатного издания Киевской летописи. По сказке, Солнце-Царь был влюблен в Морскую-Пани, и краснел при встрече с нею. Эта *Морская пани* была несказанной красоты, и вышла на землю из моря, подобно вышедшей из океана Индийской богине красоты и любви, *Лакими*, супруге бога Вишну, подобно Греческой Афродите, или супруге бога Ифеста, (соответственного Египетскому Фтасу), имя которого Киевский летописец пояснил Русским именем бога *Сварога*²⁰, и следственно, *Сварог* был наш Ифест или Вулкан, бог огня. У Вацерада (в *Mater verborum*) Афродита переводится именем Славянской богини *Прии*; Цитера или Венера, — именем Славянской богини *Лады*, которой имя знакомо было и на Руси. Да и поныне звучит в народных припевах. И мне кажется несомненно, что *Лада* и *Морская-Пани* одно лицо; что праздник Лады, начинавшейся в исходе мая, некогда и на Украине приходился на Русальной неделе, когда и наши Нимфы-Русалки выходят из своих вод на сушу. По сказке, Морская Пани вышла из моря на землю, соблазняясь *зелеными черевичками* (башмачками): эта обувь может значить вообще травную майскую зелень: но еще ближе к сказке можно призвать здесь именно ту красивую траву, из семейства *Любковых* (*orchideae*), которая по Украински зовется *Черевичками*, да и по Латински у ботаников издавна зовется *Calceolus*, а Линней придал ей родовое имя, по имени Киприды — *Cypripedium*²¹. Эта трава растет по низменным луговым местам, и цветет в мае. Что касается до самого героя сказки, *Котигорошка*, то он, конечно, принадлежит также к числу лиц Южнорусской мифологии.

Войдя в круг народных Русских песен, обычаев, поверьев, сказок, мы с тем вместе уже вошли неизбежно в круг мифологии; ибо во всем том еще пестреет ярко и отзывается звонко предковская, языческая старина Русской земли, поныне неразгаданная, но изучаемая и наблюдаемая уже с должным вниманием и соображением.

Г. Сахаров, начав свои многополезные «сказания Русского народа» *Славянорусской Мифологией*, уверяет потом, что «никогда не бывало божества *Лады* у язычников Славянорусских»; — «подивился, — говорит, — странности наших мифографов, умевших *Ярила* причислить к Славянорусским божествам», — и наконец он упрекает наших мифографов и археографов в том, что они, «под видом ученых исследований, прибегают к небывалым открытиям и наводят на наших предков *позорную тень многобожия*!» (См. сказ. Р. Н. кн. VII).

Но эта тень лежит на всех племенах *Индоевропейскою* колена, в том числе и на нашем *Славянском*. А что у наших Славянорусских предков было *многобожие*, в том, казалось бы, и самому сомнительному археографу нельзя усомниться, когда и наш первоначальник в сказаньях о Русском народе, преподобный Нестор, поветствует о Киевских кумирах: *Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Сима-Рыгла, Мокоша*; когда и

²⁰ Хотя в Киевской летописи *Дажьбог* назван *сыном Свароговым*, но это потому собственно, что наш летописец именами Южнорусских богов перевел с Греческого языка Египетское сказание об *Озирисе* и *Фтасе*; у Русских язычников могло и не быть этого родственного отношения между богом-солнцем и богом огня; могло быть отношение другое, как например в мифологии Греков и Римлян. По той же причине и все сказанное в летописи о двух богах Египетских, не следует присвоить непременно и нашим Дажьбогу и Сварогу. Мифология Греков во многом ближе к нам, чем Египетская. Греки, собиравшие у всех, доступных им народов, мифы в свою богатую мифологию, конечно, заимствовали некоторые из них и у племени Славянского; и мы, прибегая к Греческой мифологии для пояснения обломков нашей Мифологии, берем оттуда иногда, может быть, наши же мифы, но уже как Греческие.

²¹ «*Cypripedium, quasi calceum Veneris, diximus a fleoris figura et veribus*». См. *Linnaei flora Lapponica*, 1737., p. 248.

другой наш древний *Христолюбец* говорит о наших предках: «иже суть крестіане верующе в *Перуна*, и *Хорса*, и в *Сима*, и в *Рыгла*, и в *Вилы*, их же числом *тридцать* сестрениць, глаголют окаяннии невегласы; то все мнять *богы* и *богынями*; и тако покладают им требы, и короваи им ломають, и куры им режутъ; и *огневи* молятся, зовут его *Сварожещем*». Делом Христолюбцев было разгонять эту «тьнь многобожия», а что она так долго лежала на наших предках, как и на прочих, родственных им, племенах, в том нечего винить мифографов и археографов: их дело собирать отовсюду следы и останки прежнего языческого многобожия наших предков в одну *Славянорусскую мифологию*, как *Геология*, собирая рассеянные по всей земле останки допотопных животных и растений, воссоздает по ним, для своего знания, два органические царства, некогда жившие на земле. У всех племен Индоевропейского колена лежит в основе один *общий запас* верований и слов, который потом, у каждого племени развившись по своему, и устроился *особенно* у каждого. Нашей *Русской Мифологии* и *Русской филологии* всего ближе обращаться к нашей родной *Славянице*, *Южной* и *Западной*, как там веровали и говорили; да без этого *сравнительного* изучения не могут они и состояться основательными науками; а для большей полноты и твердости своей, нельзя же им не справляться с верованиями и речами других Индоевропейских племен, и не поверять себя ими.

Вот, например, хоть бы и о Великороссийском *Яриле*, по поводу которого г. Сахаров хотел удивить Европу *странностью* наших мифографов, что они *умели* причислить Ярила к Славянорусским божествам!... В Воронеже, где празднество *Ярила* принимало в прошлом столетии наибольший размер, преосвященный *Тихон*, прекративший там это празднество, говорил об нем: «из обстоятельств оного видно, что древний некий был идол, прозываемый именем *Ярило*, который в сих сторонах за *бога* почитаем был, пока еще не было христианского благочестия». Согласно с этим мнением Воронежского иерарха, последующие мифографы зачислили *Ярила* в число языческих Русских *божеств*, и поступили совершенно справедливо. *Ярило*, в собственном и первоначальном его значении, есть *бог весны*, Весняк, как это видно уже по имени его, происшедшему от Славянского слова *яро* или *ярь* — весна (и по Гречески *εαρ*), от которого и название хлеба весною сеемого *яриною* или *ярью*. *Ярило* тоже, что в Западной Славянице *Яр*, *Яробуд*, *Яровит* в их первоначальном значении; тоже, что Индийский *Гарис* — одно из имен бога Вишну, означающее, между прочим, *зеленого*. Жрец Полабского Яровита говорит от его имени: «я покрываю травю поля и листьями леса». Но если он был там же и Марсом, и дан был его кумиру *золотой щит*, при ударе в который жрецом попадали на землю новокрещенные поклонники этого бога, то это надо отнести уже к его позднейшей истории в Славянице Полабской. Там значение Марса придавали многим богам — и *Святовиту*, и *Сварожещу*, и даже *Радигосту* (который у Вацерада сравнен с Меркурием и назван *внуком Кирта*). На Руси этого не было с *Ярилом*; а потому напрасно и сравнивать его с Аресом²², тем более, что Греческий Арес тоже что Египетский *Горос*, *старший* (усыновленный Озирису), что Индийский *Гарас* или *Гара* — имя Сивы в значении бога войны; а с ними однозначителен, как мне кажется, наш Киевский *Хорс*, названный в Игровой песни *великим Хорсом*. Праздник *Ярила* в Воронеже кончался в первый понедельник Петровки (после всесвятского заговенья), в котором, в то же время, хоронят соломенную куклу *Ярила*, за которую жонки голосят с разными причитаньями. Но в Муроме к первый понедельник Петровки, девицы и парни топят соломенную куклу, называемую *Костромою*. А в Сибирской и Пензенской губерниях эта игра разыгрывается одними девицами: *Кострому* представляет девушка; прочие подружки кланяются ей, потом кладут ее, как бы неживую, на доску, несут к реке или пруду, и опускают на воду, и все вместе с нею купаются. Не смотря на разность

²² Снегирев, в своем ученом труде «Русские простонародные праздники», вып. IV. 1839, стр. 55, признал великороссийского Ярила «за божество мужества и вожделения», применяя к нему Греческих Ареса и Эрота.

обрядов и имен, ясно видно, что *Кострома* должен быть тоже, что и *Ярило*. А что празднество Всесвятского понедельника у Московской Руси велось издревле, о том заметка сохранилась в Стоглаве, где сказано: «в первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в Наливки, *бесовскія потехи деяти*».

На Украине первый понедельник Петровки называется *розыграми*, и празднуется преимущественно жонками. Встарину, они в этот день хоронили соломенную куклу мужского пола, называемую *Кострубоньком*, голосили над нею разные причитанья²³, и пели следующую песню, перемежая заунывный напев с веселым:

«Помёр, помер Кострубонько,
Сивый, милый голубонько:
Зосталася хатка,
Ищё й сеножатка,
И ставók и млинók,
И вишнёвенький садок.
Що у ставок купатися,
А у млинов проспатися,
А у садок погуляти.
Кострубонька поминати!»

В нынешнее время, покинув и позабыв этот третий обычай свой, Украинские жонки *на розыгры* собираются в веселые беседы — *замачивать дойницы*, к предстоящему сбору молока в продолжение Петровки. *Замачиванье* производится таким порядком, что, поставив на земле новую дойницу, жонки усаживаются вокруг нее, и потом начинается круговая чарка, за которою высказываются и выпеваются разные хозяйственный благожелания:

«Щоб дойница не текла,
А хозяйка весела була!
Щоб хозяйка не засыпала,
Да до коровы рано вставала!
Щоб корова стояла,
Да по багату молока давала!» и т. п.

Между тем *Кострубонько*, которого жонки провожали некогда с жалостью, в заключение весны, был в ходу и у девчат Южнорусских в начале весны. На Украине девчата водили особенный танок, в котором одна, в середине круга, представляла умершего Кострубонька, при чем ее подружки пели несколько раз, ходя вокруг нее:

«Помёр, помер наш Кострубонько;
Помер, помер наш голубонько!
Кобыло ж наша белобокая,
Не впади з мóста,
Не вмочи хвóста!»

Наконец, девушка, представляющая Кострубонька, вскакивает, а подружки ее поют весело и громко:

«Ожив, ожив наш Кострубонько,
Ожив, ожив наш голубонько!» и т. п.

Так разыгрывался этот весенний танок лет за двадцать под Переяславом, над речкою Каранью (на которой, в Староселье, проходило мое первоначальное детство). Но в

²³ Г. Терещенко, в своем «Быте Русского народа», 1848. Т. V, стр. 101, описал подобный обряд, виденный им в Малороссии, во время его юности; но он не упоминает ни о песне, ни о названье куклы Кострубоньком.

Червоной Руси Кострубонько играет иначе: девушка в середине круга тужит по нем, как бы в ожидании его, и спрашивает о нем у подружек, которые все отвечают ей, что Кострубонько лежит в недуге, — и она при этом беручись за голову, поет плачевно:

«Що ж я бідна учинила.
Кострубонька не любила»!..

Наконец ей говорят, что Кострубонько уже помер. (См. Жеготы Паули *Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi*. 1839, т. II. 22).

Очевидно, что Южнорусский *Кострубонько*, оживающий в начале весны и погребаемый в заключение ее, есть сама *весна*, олицетворенная в мужеском виде. Это одно лицо с Великороссийским *Костромой* и с *Ярилом*, в котором мы уже признали языческого бога весны.

В Украинском просторечии бранчивое слово *кóструб* означает нечесу, кудляя; это дает нам мысль, что Украинский мифический Весняк был представляем с головою всклокоченною. Так имена языческих божеств, переходя в нарицательные имена, удерживали нечто от их свойств или принадлежностей. Имя громовержца *Перуна* стало значить молнию или громовую стрелу; имя богини любви *Лады* у Словаков обратилось в название распутной женщины; имя Западнославянской *Дюнди* которое так торжественно звучит в хоровой песне Словацких девчат:

«Гойя, Дюндя, гойя»!

на Украине обратилось в нарицательное имя, которое без сорама возглашается только в свадебной песне жонками, когда они, подобно Вакханкам, скачут и рукоплещут у дверей брачной коморы.

Наконец упомяну о следующем обряде, который *на розыгры* ведется в Новгород-северской стороне, над Десною. Молодежь собирается в этот день гурьбою в лес. Срубив несколько *березовых* ветвей, увивает их цветами, потом несет с песнями по селу и вокруг села, к наконец бросает их в реку. Эти проводы весны, в виде потопленной *березы*, называются там *проводами Дремы*. В этом названье тот смысл, что с следующим днем начинаются уже рабочие дни Петровки, в которые надо быть неусыпными, и о которых поют на Украине:

«Мала нóчка-Петрóвочка,
Не выпалась наша, дівочка».

Изо всего, что сказано о *Русальной* или *Зеленой* неделе, можно видеть, что она во времена языческие была у нас одним из самых главных праздников в году, праздником *перехода весны в лето*, который сопровождался обрядными играми в честь многих божеств. Потому-то *Русальные игры* или *Русальи* у христианских писателей наших обратились в нарицательное имя всех вообще народных шумных игрищ. Так и в Московском Стоглаве называются заодно и *Русальями* и *Эллинскими бесованиями* народные игрища Купальские, Рождественские и Крещенские. Русальные игры Зеленой недели оканчиваются первым понедельником Петровки. Тогда, в так называемые *розыгры*, совершались последние *проводы весны*, погребением либо потоплением ее, в виде *Кострубонька*, или под видом ее представительницы, *березы*. *Розыгры* — конец весны. На этом дне окончим и мы *Весну* наших «Дней и Месяцев».

1856 г. 7 августа.
Михайлова-гора.